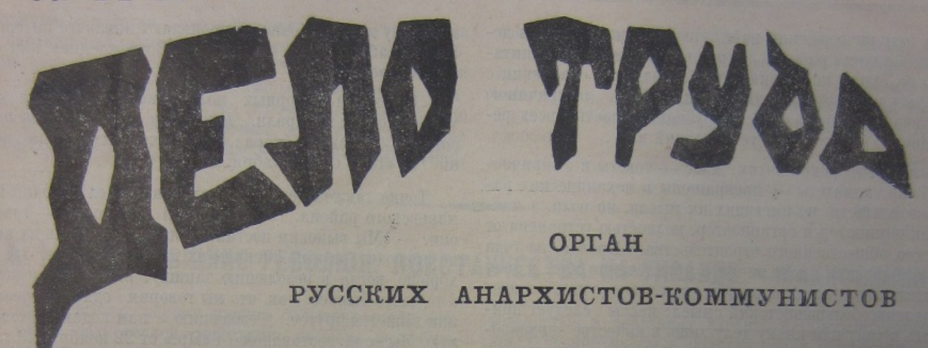
№ 44-45 ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ 1929

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VIe

5-ый год издания

ОРГАНИЗАТОРСКИЕ ТАЛАНТЫ МАСС

Общеизвестно, что чем хуже обстоит у большевиков дело с социализмом, тем красочнее их статьи о процветающем, якобы, у них социализме. Особенно усердствуют они такими статьями в разного рода особых случаях.

Ко дню пятилетия смерти Ленина «Правда» напечатала ряд статей, посвященных памяти последнего, и между прочим статью самого Ленина — «Как организовать соревнование» — до сих пор не печатавшуюся. Напечатание этой статьи сейчас, а не 10 лет тому назад, когда она была написана (в конце 17-го или начале 18-го г. г.), представляет для нас ценность, какой она не могла иметь ранее. Статья затрагивает огромного значения вопрос о роли масс в революции и в революционном строительстве. Благодаря этому, она невольно наталкивает каждого на сравнение октябрьских лозунгов и «идеалов» большевиков с той действительностью, которую установили большевики под покровом этих лозунгов и «идеалов».

В этой статье Ленин полемизирует с буржуазными политиками и писателями по вопросу о способностях рабочих и крестьян самим создавать новую общественность. Расчет ниспровергнутых в октябре эксплуататорских классов был построен на том, что широкая рабоче-крестьянская масса, неспособная, по их мнению, к творчеству, не справится с теми колоссальными задачами организационного характера, которые поставил перед ними Октябрьский социальный переворот. А раз не справятся, то непременно придут с повинной к капиталистическим классам. Ленин по этому поводу набросал план большевистского учета и контроля, который должен будет сломить сопротивление буржуазии, план мало интересный для нас ввиду его ультра-государственнического характера. Но вместе с тем он несколько раз подчеркнул, что напрасны надежды буржуазии на неспособность рабочих и крестьян к творчеству. «Организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, бороться самостоятельно за строительство социалистического общества». — («Пр.», 20 января 1929 г.).

Писалось это в дни, когда большевики только что захватили власть, но еще не укрепили ее за собой и когда, следовательно, в борьбе с низвергнутыми господствующими классами они опирались не только на революционную мощь масс, но и на их организаторские таланты.

Нет никакого сомнения в том, что трудящиеся таят в себе огромные творческие способности, которые при благоприятных условиях проявляются во весь свой гигантский рост. Мы видим это на примере русской революции, где все важнейшие проблемы труда получили свое разрешение в момент высшего проявления инициативы и организаторских талантов масс.

Конфискация трудящимися земли, фабрик, заводов; создание системы советов и фабрично-заводских комитетов, партизанские войны с оккупантами и контрреволюцией — все это прежде всего суть проявления инициативы и организаторских талантов масс. И мы, анархисты, всегда утверждали и утверждаем, что лишь при максимальном развитии этой инициативы и этих талантов возможно успешное завершение революции и подлинное освобождение трудящихся. Мы сразу встали в резкую оппозицию к большевикам, когда увидали, как они, захватив власть, начали подменять инициативу и творчество масс своими, чисто правительственными декретами.

Постепенно эти декреты, подкрепленные аргументами от чека, задушили всякое проявление революционной самодеятельности масс и всю революцию превратили в сплошную военно-бюрократическую казарму. И если на

11-ом году низвержения капиталистическихъ классов дело освобождения рабочих и крестьян от наследия капитализма не только не подвинулось вперед, но в сравнении с октябрьскими достижениями пошло назад, то причиною этого является *исключительно* убиение властью всех революционно - творческих устремлений масс.

Великия творения этих масс — советы и фабрично-заводские комитеты — превращены в механических рабов новой власти, не имеющих ни мысли, ни воли, а масса, как инициатор и организатор, полностью устранена от процесса общественного строительства. Правда, из года в год большевики много пишут о привлечении масс к делу строительства, но их писания, как и все у них, имеют определенно большевистский смысл: массы следует привлекать к тому или иному делу лишь в качестве *верноподданных* компартии, слепо приемлющих все указания и постановления последней. Это наглядно видно, например, на раздуваемом теперь лозунге самокритики. По внешности, как и всегда, лозунг великолепный: заявляй о своих думах, желаниях: критикуй зло, ошибки. На самом же деле, критиковать позволительно лишь те «маленькие недостатки механизма», которые мешают развитию и укреплению партийной диктатуры. Критикой этих недостатков ранее скромно занимались отдельные сотрудники столичных газет. Теперь же, в виду проявляемой массами потребности в свободном критическом слове, на этих мелочах стремятся сосредоточить внимание последних, дабы предупредить развитие критики *в основном вопросе*. И там, где дело мало мальски принимает характер критики в основном, при том рабочей критики, там власть сразу же начинает говорить с самокритиками методами ГПУ. Случай с левой оппозицией в рядах ВКП, продолжающиеся аресты этой оппозиции, а также анархистов, красноречивее всего показывают смысл большевистского лозунга самокритики.

До какой степени разговоры большевиков об организаторских талантах масс, об их самодеятельности, самокритики и т. д. являются не более как маневром, прикрывающим их прямо противоположные поступки, видно из реального положения рабочих. В советскую печать проникают крайне ничтожные сведения об этом положении. И все же в этих ничтожных сведениях можно увидеть подлинное положение дел. Приведем несколько примеров. В «Правде» от 22 ноября 1928 года внимание предстоявшего 8-го с'еда профсоюзов обращалось на «низкую посещаемость рабочих собраний и вообще недостаточную активность членов союзов». В Горловском районе Донбасса «на собрания членов союза в руднике № 1 приходит только 15 - 20 процентов рабочих». «Собрание рабочих на фабрике «Красная Заря» (Москва) посещается сотней или двумя сотнями рабочих; между тем, как на «Красной Заре» работает 2.500 человек». На ленинградской фабрике «Возрождение» в перевыборах фабричного комитета участвовало: «в мае 1927 года 35 процентов членов союза, в марте 1928 года — уже 28 процентов, а в последних октябрьских перевыборах и того меньше — только 13 процентов».

В чем же дело? Почему к такому, казалось бы, своему кровному делу, рабочие не проявляют никакого интереса? На это рабкор с того же завода «Возрождение» дает следующий ответ:

«В цехах и в уборных положение оценивается так: мы фабком не избирали. *К нашему голосу не прислушиваются* (курсив рабкора). Зачем же нам идти на собрание?» («Пр.» от 22 ноября, 28 г.).

Точно также оценивают положение дел рабочие Баумановского района. «От собраний нет толку — говорят они. — «Мы выносим постановления, а в жизнь их никто не проводит, за выполнением их никто не следит. Это еще хорошо, когда в резолюцию запишут наши предложения, а то часто бывает так, что мы говорим одно, а в резолюции пишется другое. Резолюцию нам подают готовенькую. Мы ее не составляем». («Пр.» от 22 ноября, 29 г.).

Рабкор Дементьев с завода «Шестерня» (Москва) так опрделяет некоторые причины, убивающие в рабочих интерес к собраниям: «Рабочие рессорного цеха да и других цехов много говорят о низких расценках. Фабком не придает этому никакого значения. Между тем недовольство рабочих сгущается и сгущается. Недавно девять рабочих, разуверившись в том, что союз добьется повышения зарплаты, коллективно потребовали расчета. Их расчитали. Это вызвало протесты и возмущение в других цехах завода».

Подобных данных, просачивающихся в советскую прессу и свидетельствующих о полном отрыве большевистского режима от масс, можно было бы привести значительно больше. Мы воздерживаемся от этого в целях экономии места. Приведем еще лишь один выразительный пример. Редакция «Правды» созвала на совещание по вопросами рационализации производства иностранных рабочих, работающих на московских фабриках и заводах. Вот их заключение: отношение администрации к инициативе рабочих никуда не годится. Чрезмерный бюрократизм. «В особенности горячо иностранцы возмущались тем, что всякие новшества, усовершенствования производятся у нас после длиннущей волокиты, после громадных сопротивлений. Они, например, совершенно не понимают отношения многих советских директоров к изобретателям, к предложениям производственных совещаний. «В Америке, инициативный рабочий, — говорили они, — правая рука инженера, а у вас предложени такого работника лежат в канцеляриях». («Пр.» от 4 ноября 1928 года).

Само собою разумеется, что случаи вопиющего бесправия рабочих, поскольку эти случаи вызывают протесты и возмущения рабочих, сов. пресса подвергает той или иной критике. Но ясно каждому, что критика эта не может иметь никакого значения. Ибо бесправное, придушенное положение трудящихся вытекает из режима партийной диктатуры, могущего держаться только на насилии и подхалимстве.

**

Так, *на деле*, а не на словах относятся большевики к инициативе масс, к их организаторским талантам, к их праву самодеятельности. Все это в их руках служит лишь

предметом демагогии, эксплуатации в целях укрепления их партийного владычества. Революционная самодеятельность масс, их творческие способности задушены, а с ними вместе задушена революция. Чтобы освободить последнюю, необходимо освободить первые. Рабочий класс не враг себе, как думают большевики, преследующие его за свободное выражение пролетарского мнения. Наоборот, лишь цельное и полное выражение этого мнения выявит волю трудового люда, поможет ему стать на здоровый путь классовой самодеятельности и самоосвобождения, выявит всю силу его гигантских организаторских талантов а сделает непобедимым в его могучем порыве к царству свободы.

П. АРШИНОВ.

К 10-ой ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦ. ПОВСТАНЧЕСТВА НА УКРАИНЕ - МАХНОВЩИНЫ

Как известно, черная измена большевистских вождей идеям октябрьской революции привела всю большевистскую партию и ее «пролетарскую, революционную» власть в стране к позорному миру с иностранными царями — с Вильгельмом II-ым Немецким и Карлом Австрийским, а затем к еще более позорной вооруженной борьбе внутри страны, сперва с анархизмом, потом с левым народничеством и социализмом вообще. Правда, в июне месяце 1918 года, когда я, пользуясь своим положением по документам (я был главным руководителем Комитета Защиты революции в известном районе на Украине) забрел в Кремль, где по настоянию Председателя Всеросийского Центр. Исполн. Комитета Советов Свердлова был сведен с Лениным, (на чем я останавливаюсь подробно во второй книге своих записок) и информировал его, Ленина, о неравной тяжелой борьбе революционных сил на Украине против нашествия немецко - австрийских контрреволюционных армий и таких же отрядов Украинской Центральной Рады, а также о неудачах этой борьбы и тяжелом отступлении революционных сил из Украины. Тогда Ленин, разговорившись со мною и заметив, очевидно, во мне мой крестьянско - анархический фанатизм в отношении Революции и наших анархических идей в ней, заверял меня, что, де, советская власть начала борьбу в центрах революции не с самим анархизмом, а с поселившимся в его рядах бандитизмом. — «С такими анархистами — говорил мне Ленин — об организованности и революционных действиях которых вы мне повествуете сейчас, у меня лично и нашей большевистской партии найдется всегда общий язык для восстановления единого революционного фронта... Другое дело социал - предатели — они враги подлинного освобождения пролетариата и беднейшего крестьянства и мое отношение к ним непримиримо. Я им враг...

Большей неискренности и лицемерия, какие в данном случае проявил Ленин, особенно в отношении анархизма, трудно найти у кого либо другого из политических дел мастеров. Большевистская власть организовала уже в это время свои походы против анархизма с строго продуманным замыслом дискредитации анархического движения в стране, где большевизм Ленина поставил крест над всякой свободой революционных организаций и где только анархизм был и оставался опасным для большевизма; ибо только анархизм если бы только он научился организованно, с строжайшей последовательностью в действиях входить в широкие рабочие и крестьянские массы и политически и стратегически направлять их к победам, может поднять на восстание в стране все здоровое, беззаветно преданное Революции, чтобы на этом пути бороться и утверждать приктически в жизнь идеи свободы, равенства и вольного труда.

Да и в отношении социалистов у Ленина звучал иногда улично - залихватский тон...

Поход большевистской власти против анархизма и социализма оказал тогда большую услугу внешним контр - революционным вооруженным силам вступить безболезненно на революционную территорию Украины и сравнительно быстро и легко вытеснить из нее революционно - боевые силы широких трудовых масс под руководством анархистов, левых социалистов - революционеров и самих же большевиков (поскольку эти последние имели под своим идейным влиянием вооруженные силы украинских тружеников в этот трагический для Революции период.

Благодаря этой черной измене большевистских вождей революции, контр - революция сравнительно быстро парализовала все революционные связи на Украине села с селом, города с городом и занялась безбоязненно своей гнусной кровавой расправой над широкими революционно - настроенными трудовыми массами украинского села и города и революция на Украине предстала совершенно неожиданно перед эшафотом своих палачей и в первой стадии своего развития была казнена...

Это были тяжелые, полные кровавых ужасов дни. Вожди большевизма по договору с немецким и австро-венгерским царями оттягивали из Украины свои из русских тружеников скомплектованные вооруженные силы, а украинские труженики, плохо вооруженные и наспех скомплектованные в боевые отряды, принуждены были отступить вслед за своими русскими братьями, расплачиваясь своими жизнями за измену вождей с одной стороны перед наседавшими сзади хорошо вооруженными и дисциплинированными врагами революции — в лице немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, а с другой — перед большевистской властью, не желавшей пропуска их вооруженными на территорию России и с боями разоружавшей их. Вот в эти, казалось, ничего уже хорошего не предвещавшие дни — крестьяне-революционеры Гуляй - Польского района, об'единенные вокруг Гуляй - Польской группы анархистов - коммунистов, многочисленными мелкими группами и от-

рядами оставили свой район и отступали также в направлении России, где — как всем почему то казалось, — революция идет своим руслом и в нем, в этом русле, эти революционные группы и отряды обретут свои силы и снова станут лицом к лицу с врагами, чтоб преодолеть их физическую и духовную силу во имя нового свободного общества... К сожалению у большевистских вождей уже в этот период Революции замечался перелом в сторону охапвания всего здорового и революционно-выдержанного в трудовых массах в угду своих партийных привилегий в стране и за ними скрывавшейся явной контр - революции. На подходах к г. Таганрогу большевистская власть уже устраивала засады на независимые революционные боевые группы и отряды и предательски их разоружала. Это обстоятельство побудило силы гордого революционного Гуляй - Польского района распылиться на еще более мелкие группы и частью возвратиться нелегальными путями в свой район, частью же, и тоже нелегально, пробраться в Таганрог с целью собраться в нем и обсудить, что дальше делать...

В г. Таганроге группа с'ехавшихся товарищей сразу же поручила мне и Веретельнику организовать конференцию. Таковая состоялась. Решения ее были кратки, но положительными в том смысле, что дальше Таганрога ни один член группы не двинется. Все, за исключением меня, Веретельника и еще троих товарищей, возвращаются на фронт и постепенно с особой осторожностью во имя намеченного конференцией дела пробираются в свой район для нелегальной работы среди крестьянства. Мы же пятеро человек получили от конференции назначение побывать в течении полутора - двух месяцев в Москве, Петрограде и Кронштадте, ознакомиться с ходом революционных дел в этих центрах Революции и к первым числам июля месяца возвратиться на Украину, в местности, где группа решила снова возродить идею организации вольных батальонов защиты Революции с строго взвешенным замыслом не только бороться, но и побеждать.

На похождениях по России в течении этих двух месяцев я подробно остановлюсь во второй книге своих записок — «Под ударами контр - революции». Здесь же скажу, что из нас пяти я один лишь возвратился во время на Украину, на которой безответственно царил политический и экономический произвол немецко - австрийско - венгерского контр - революционного юнкерства и его ставленника — пресловутого гетмана «всея Украины» — Павла Скоропадского. На Украине я теперь уже мало встретил своих старых друзей, преданных крестьян революционеров. Многие из них попали в лапы контр - революции и одни были убиты, другие посажены в тюрьму и ожидали той же участи. Но живя эти дни глубокой верой в то, что намеченное дело на Таганрогской конференции нужно начинать, я всем своим существом отдался тому, чтобы непосредственно связаться с крестьянами, выбрать из их среды людей, готовых на самопожертвование.

На этом пути в поисках новых и стойких революционных бойцов я встретил ряд преданнейших проповедываемым мною идеям крестьян и крестьянок. Через них я скоро разыскал своих старых друзей, спасшихся от арестов и разстрелов немецко - австрийских и гайдамацких палачей и революционно, не смотря ни на какие невзгоды, уцелевших, т. е. не примирившихся с гетманским строем, думавших и готовившихся к серьезной борьбе с ним. И мы, не ожидая, когда с'едутся рассеявшиеся после отступления где то по России остальные наши товарищи в район, не взирая на все те тяжелые затруднения для нашего пребывания в селах, которые переплетались с частыми арестами и расстрелами наших близких из наших активных рядов, взялись за живое дело и как то скоро — в сравнении со всеми затруднениями — мы поставили снова на ноги дело нашей организации по подготовке революционного восстания широких трудовых крестьянских масс против Гетмана, его феодально - помещичьего строя и их защиты в лице немецко - австро - венгерских царских армий. Тогда мы говорили массам: «Крестьяне, рабочие и ты, трудовая интеллигенция! За возрождение и развитие Революции, как наиболее верного средства борьбы с капиталом и властью государства; за создание и закрепление в вашей жизни свободного общества тружеников, как нашей общей ближайшей цели, вы должны организоваться, создать из своих рядов грозные революционно - боевые партизанского рода вольные баталионы и отряды и восстать, пойти штурмом против Гетмана и немецкого и австро - венгерского царей, приславших на наши земли свои дикие контр - революционные армии, и победить этих палачей Революции и Свободы!...»

И широкие трудовые массы прислушивались к нашему голосу. Из далеких сел и деревень, от Гуляй - Поля они присылали к нам своих делегатов, стараясь разискать группу анархистов и взять — кого она из своих членов может откомандировать им, чтоб они могли его секретно перевезти в свой район для собеседований и содействуя им в делах подготовки масс к восстанию.

И мы переезжали тогда в одиночку, иногда группой в 3 - 5 человѣк и вели на нужные темы в строго законспирированных местах беседы с крестьянами в этих селах и районах. А через месяц - два этой тяжелой, но упорной нашей пропагандистской и организационной работы по обширнейшим районам среди крестьян — наша Гуляй - Польская крестьянская группа анархистов - коммунистов увидела, что за ней идут широкие массы тружеников, среди которых было много вооруженных и готовых во всякое время на какаое угодно самопожертвование во имя идеи восстания против гетманского и немецко - австрийского юнкерства, политического и экономического произвола.

Помню, как делегаты от этих, нами уже сорганизованных крестьянских революционных сил около недели ездили по району из деревни в деревню, чтобы настичь меня, ненавистного буржуазии и немецко - австрийскому командованиям. Я так же, как и они, передвигался со своими двумя - тремя товарищами из деревни в деревню с целью агитационно - организационной. Помню, как они, эти делегаты, настигнув нас в одной из деревень просили меня от имени пославших их ко мне на совеща-

ние не откладывать нашего общего вооруженного выступления против врагов революции до удобного момента начинать его теперь же. Делегаты тогда мне говорили: «...Вы, Нестор Иванович, возвращайтесь в Гуляй - Поле и подымите Гуляй - Польцев. Если Гуляй - Поле восстанет, за ним последуют все другие волости и районы. Вы с группой своих товарищей агитаторов своей упрямой работой еще до гетманщины и немцев и австрийцев подняли Гуляй - Поле перед трудящимися других волостей и других районов на необыкновенную высоту революционной стойкости и преданности делу трудящихся. Общий ваш зов к другим волостям из рядов восставшего Гуляй - Поля сделает больше для дела восстания, к которому мы все готовимся, чем все эти недели, что вы раз'езжаете по деревням с большим риском для жизни и ведете и подготовляете это дело непосредственно с помощью устной агитации...»

Я лично этим доверием и уважением ко мне и нашей группе широких масс и их делегаций не увлекался. Я был чужд подделного революционного духа и я старался, чтобы им не заражались ни мои друзья, ни широкие массы, среди которых мы работали, с которыми нашли общий язык, об'единивший нас на пути дела возрождения, расширения и углубления казненной палачами Революции, чтобы через нее обрести право, средства и твердость убеждений, для построения нового свободного общества тружеников.

Моя поездка по России, через ее революционные центры и мои наблюдения за всем и вся, с чем встречался, кое чему меня научили. Поэтому я и все мои друзья по группе, кто взялся за дело организации крестьянского восстания против врагов Революции, были слишком осторожны, т. е. мы не могли ни перед каким уважением таять настолько, чтобы забывать, кто мы и какая перед нами стоит задача в связи с этим нашим самосознанием. На все настаивания перед нами, как инициативным и руководящим ядром восстания, я все время отвечал крестьянамъ: — «А все ли ваши силы достаточно прочно связались с нашей группой? Усвоили ли они и хорошо ли усвоили себе то, что начало восстания чаших сил практически должно выразиться повсеместным, т. е. в одно и то же время, хотя в известном ряде олостей?

Если всеми это хорошо понятно и усвоено — то нам не мешает лишний раз подумать и о том, с че-е, наиболее, плодотворного, мы должны начинать открытую вооруженную борьбу. Подумать над лишний раз тем более важно, необходимо, ибо тех-ски мы далеко не равны с врагами. Наши первые ы по вооруженным силам врагов наших должны нести нам и винтовок и орудий и к тем и другим лий — десяток - два патронов и снарядов. Такая ача при первой нашей атаке врага даст двоякое удовлетворение и нам и широким трудовым массам. И мы и широкие массы сразу же станем более решительны, как в идейно - политичском, так и в организационно - боевом отношениях. После первого нашего успеха в дни общего нашего выступления все наши партизанские отряды обрушатся на врага со всех сторон. Этим самым мы поставим в неожиданное замешательство и гетманское правительство и немецко - австрийские военные штабы, по крайней мере в нашем Приазовско - Днепровском и Донецком Крае. В лето выяснится характер событий и мы все силы свои напрягем тогда на то, чтобы отдать себя полностью служению этим событиям...

Так подходили мы, крестьяне - анархисты к трудовым широким массам в столь трудный момент для революции и идей нашего движения в ней в те на 10 лет оставшиеся позади мрачные политическия времена. Спрашивается, — почему мы проявляли такую чрезмерную осторожность в своем влиянии на широкие массы, когда последние чуть не первые подавали свой голосъ за восстание против угнетателей? — Почему мы, будучи по духу бунтарями, просто не воспользовались случаем и не пошли во главе масс, увлекаясь одной лишь стихией той подлинной революционной бури, которая назревала в украинской деревне и которую во всей ее положительности и красоте, неподдающихся политическимъ уродствамъ, можетъ творить только анархическая деревня?... Кажется странным, а между тем это диктовалось многими условиями момента, условиями, которых многие, о как многие и в наших рядах особенно, никогда не признавали. Это был момент для революционно действовавшего авангарда по подготовке вооруженного восстания крестьян, чрезвычайно тяжелый своими требованиям. Этим авангардом была наша Гуляй - Польская крестьянская грппа анархистов - коммунистов. Перед ней развертывавшияся события ставили вопрос: возьмет ли она в свои руки полностью руководство широкими трудовыми массами в надвигавшихся бурных событиях, или же она уступит все ею подготовленные массы к открытой вооруженной борьбе какой либо из политических других партий, имеющей свою программу и надеющейся на прямую поддержку со стороны большевистского «революционного» правительства со стороны Москвы.

Вопрос этот делал трудным положение нашей группы еще и тем в этот период ее деятельности, что она часто прислушивалась к абстрактным положениям анархизма, согласно которым анархист отрицает организацию дисциплинированных сил революции и часто оказывается в моменты революции одиноким маниаком, словно самой жизнью отвергнутым от своей плодотворной творческой роли среди широких трудовых масс. При всей нашей революционной страсти использовать все средства для победы над контр - революцией, какими располагали массы и какими нас наделил революционный опыт, мы все же были анархистами, и хотя сознавали, что дезорганизационные начала в жизни нашего движения принесли анархизму непоправимый вред, что анархизму уже трудно выравнять свои силы настолько, чтобы успеть поравняться своими силами с зарывавшимися на пути революции большевизмом и левым народничеством; что дезорганизаторский навык все анархисты так хорошо усвоили, как ни одного из положений в области положительной деятельности анархизма и что, следовательно, покуда анархи-

сты будут дорожить этим своим навыком наше движение массами полностью не будет понятно и целиком поддерживаемо из-за боязни не делать ничего, что связано со смертью в слепую Но повторяю, мы анархистами были и мы жили анархическими чаяниями. Готовясь сами, подготовляя широкие трудовые массы к открытому восстанию против тех, кто казнил революцию, кем со всех сторон были окружены, как пленники беспомощные, мы теперь были уже свободными от самаго главнаго, — от того, чтобы думать, что на нас со стороны наши же идейные товарищи набросятся, скажут: это не по анархически растворяться среди масс и руководить их боевым авангардом. От этой пустой, часто для анархизма вредной болтовни мы были в это время уже свободны и думали мы лишь об одном — о борьбе и победе!

Но борьба и победа, по нашему, требуют от революционного анархизма, сознательно находящего свое должное место и активную роль в современных революциях, громадных организационного характера напряжений и в области оформления его партийных рядов и в области выявления его прямых положительных задач особенно в первый и второй дни революции, к которым широкие трудовые массы подходят обыкновенно ощупью и как бы с неполной уверенностью в то что они в них найдут простор для полного выражения своих подлинных требований. Таким образом сознавая, что ряды анархизма раздробленны, движение находится чуть не в полулегальном положении, по городам в особенности, где власть большевистской партии все делала для того, чтобы или сделать из него «большевистско - анархическое движение» и подчинить своим интересам или же совсемъ загнать в подполье, недопустить до того, чтобы оно оформило свои ряды и заняло организационно надлежащие ему боевые позиции в авангарде большевистской властью уже удушаемой Революции. Мы — крестьяне - анархисты действовали в деревне и в этой области, чтобы возвысить голос нашего анархического движения из деревни и этим самым привлечь в деревню все лучшее и здоровое из городов; так как в это время на Украине деревня подымалась первой против гетманского строя и ревностно охранявших его немецко - австрийских контр - революционных армий.

В этом духе, под черными анархическими знаменами нашей группою воспитывалось трудовое крестьянство. Ни на шаг не отступая от анархических положений, группа намечала идейно - политическую и военно - революционную программу повстанческого движения, определившегося сразу под именем «повстанческих войск Батьки Махно».

Влияние группы и в частности мое личное было так велико и плодотворно в широких крестьянских восставших под знаменами анархизма массах, что сбить их с этого пути не могли никакие силы враждебных анархизму политических и социалистических партий. Массы не прислушивались к их голосу, не останавливались перед речами их охраторов. Слово Гуляй - Польской крестьянской группы анархистов - коммунистов и слово Махно о свободе и независимости трудящихся от власти капитала и его слуги — государства, о том, что государство, как организация буржуазно - капиталистического общества, вредна, должна быть заменена организацией свободной общественности трудящихся и т. д. и т. д., воспринимались массами за основы их жизни и борьбы.

Во имя этих основ нового общества тружеников крестьянские массы доселе порабощенной деревни создали могучую военно - революционную силу и передав эту силу под непосредственное руководство организованному группой штабу движения, всегда тесно держались этой силы, т. е. никогда не порывали с нею своей духовной и хозяйственной связи — всегда пополняли ее свежими силами в самые трудные моменты для себя и этой передовой своей силы, снабжал, ее продовольствием.

Таким образом, Гуляй - Польский район скоро превратился в особого рода страну, чуждую государственнических тенденций в своем внутреннем самоуправлении; страну, население которой со всех сторон атаковывала немецко - австрийские дикие полчища, которые до этого времени не знали никаких границ в своем произволе над населением, и разоружало их и их вооружением тут же снабжало свои отряды.

Немецко - австрийские войска скоро начали покидать этот район. Гетманские власти были частью перевешаны, частью разбежались. Гордый революционный район был замечен большевистским правительством из Москвы. На ряду с этим были замечены и анархисты за революционным делом. Имя Махно все центральные большевистские газеты не снимали со своих первых страниц. С каждым днем большевики писали что либо новое об успехах революционной борьбы повстанчества под руководством анархиста Махно...

Но движение революционного повстанчества шло своими анархическими путями. Оно, растрепав хорошо войска немцев и австрийцев, разогнав гетманцев в целом ряде уездов и губерний Украины, своевременно заметило народившуюся и спешно организовавшуюся деникинщину и оно под руководством преданнейших сынов революции — крестьян - анархистов направило все свои силы, всю их энергию против деникинщины, а в скором времени и против Украинской Дериктории, наиболее известной (после своей реорганизации) под именем «атамании», пресловутой «петлюровщины».

Против деникинщины и Украинской Дериктории движение махновщины заняло, — как и против немецко-австрийских армий — обширнейший фронт и также героически производило на нем революционно-боевые операции в интересах Революции и выдвигаемых ею начал нового свободного общества тружеников.

Так в действительности было организовано крестьянами - анархистами и начало свои историческия действия революционно - повстанческое движение украинских трудовых масс — движение махновщины.

Из этого обзора правда, далеко не полного но глубоко верного, я думаю станет понятным для всех, прочитавших его, что все небылицы врагов и даже некоторых друзей Махновщины о том, что это низовое массовое движение тружеников своей идеологии почти что не имело, что идейно - политическая пища, как и вообще

политическо - стратегические подсказывание то в том то в другом политическом деле приносились ему извне — глубоко не верны.

Для прямых руководителей движения также, как и для широких трудовых крестьянских масс, поддерживавших его, хорошо известно, что движение махновщины было организовано Гуляй - Пільскй группой анархистов-коммунистов и носило оно в себе анархические силы от начала и до конца, при том силы, неиспорченные ни словесным революционным профессионализмом, ни городской хаотичностью и безответственной отсебятиной. Все организаторы и вдохновители движения — как то: братья Каретники, Алексей Марченко, братья Семенюты, Лютый, Зуйченко, братья Домашенко, Коростелев, Троян, Данилов, Тыхенко, Мощенко, А. Чубенко, братья Махно и многие другие — все они были анархистами. Многие из них самостоятельно работали среди крестьян от 1906-7 г.г. и из них многие являются прямыми пионерами движения махновщины... Этими и многими уже в движении выросшими своими внутренними силами движение махновщины питалось и в идейно - политическом и в военно - стратегическом отношениях. Всякая помощь со стороны от родственных ему анархических организаций была лишь желательной, но ее, къ сожалению, в прямом и организованном смысле никогда не было. В течении 8-9 месяцев после открытого вооруженного действия против врагов революции и анархизма, движение махновщины не видело в своих рядах почти что ни одного из прежних со стороны своих друзей. По истечении 8-9 месяцев в ряды движения приехал ряд товарищей в индивидуальном порядке, — некоторых движение освободило из цепких вражеских лап на своих путях действия, — Ивано - Вознесенская группа анархо - комунистов во главе т. т. Макеева и А. Чернякова, прибыла в организованном порядке. Эти товарищи оказывали ему нужную. посильную помощь, но, к сожалению, временно.

И в общем, все годы неравной, тяжелой и исторически и морально ответственной борьбы, движение махновщины питалось своими внутренними идейно - политическими и тем более военно -стратегическими силами. И это по моему глубокому убеждению и является главной причиной того, что движение махновщины от начала и до конца, долгие годы было стойким борцом на революционном посту, — долгие годы, не смотря на вечное окружение врагами и беспрерывные бои с ними, не шло никогда и ни на какие соблазны других. анархизму и социальной революции чуждых социально - политических группировок.

Оставаясь верным своим анархическим идеям в требованиях от государства и его властей не мешать труженикам села и города самоорганизоваться и стать прямыми выразителями своей подлинной революционной воли на путях революции, в преодолении устоев старого и построении и защите нового свободного общества, движение махновщины естественно не могло надеяться на помощь на этом пути в этих его требованиях со стороны государственнических социально - политических группировок. Оно вправе было ожидать себе прямой организованной помощи от родственных ему анархических организаций из городв. Но такой, к сожалению, не было. Дезорганизаторский навык у большинства анархистов в это время был так силен, что он заслонил перед ними то, что делается в деревнях. Они не смогли ни заметить, ни почувствовать своевременно анархического настроения революционной деревни и поспешить ей на помощь организацией городских тружеников и прямым воздействием на ход ненормально складывавшихся революционных событий по городам. Не видя этой помощи от тех, от кого она должна была бы быть и именно в духе организованного прямого воздействия на ход событий там, где события эти уродуются укрепившимися властелинами под всевозможными предлогами, — движение махновщины естественно не могло восхищаться прочностью положения родственных ему организаций по городам.

Именно отсюда рождалась в движении махновщины вера в правильность позиции своих внутренних сил в делах революции. И движение цепко держалось этих своих внутренних сил и того, что им было признано за цель и написано на своих черных знаменах, в начале своей организации, что всколыхнуло, подняло широкие масы тружеников и увлекло их на борьбу против всякого сорта угнетателей и, наконец. от чего движение махновщины все годы своей борьбы не отступало, за что мужественно боролось часто с неравными, во много раз превосходящими силами врагов своих и революции и анархических идей в ней.

На этом тяжелом и ответственном революционном посту движение махновщины совершило одну тяжелую ошибку: в союзе с большевизмом против общего врага — *врангельщины и антанты*. В период этого морально и практически для революции ценного союза, движение махновщины ошиблось в большевистском революционизме — и во время не оградило себя от измены. Большевики со своими спецами предательски обошли его и хотя с трудом, но на время разбили.

Нестор Махно

ДВА КОНГРЕССА

(Окончание)*

V

Слова и дела. По ним нужно судить большевиков, как и соц. демократов. И по ним также мы увидим, что и у большевиков от слова до дела дистанция обширного размера.

Большевики любят самокритику. Они любят покаяться перед рабочим классом в измене. Они иногда очень откровенно говорят о своих ошибках. Как горестный Мармеладов, выходят они на площадь, кланяются на все четыре стороны рабочему люду, взывая: «простите, товарищи». Другое дело, — может и должен-ли рабочий класс кровью и страданиями искупать вины большевистского начальства.

Вся программа большевиков построена на той «не-

*) См. №№ 39-40, 41-42 Д. Т.

тине», что большевики готовят социальную революцию, которую под их руководством выполнит пролетариат. Они — «штаб», «авангард» революции; они будут вести руководство грядущими социальными революциями, они опытной рукой будут направлять революционный корабль через скалы и мели к конечной цели — коммунизму. Это звучит гордо. Но посмотрим, как на практике выглядит большевистское руководство. Лишь недавно в могучем революционном порыве поднялся Китай, рабочий и крестьянский многомиллионный Китай. Влияние большевиков было в этом восстании по многим причинам огромное, тем, конечно, больше их ответственность за его исход. Как же вело себя большевистское руководство? Вот что задним числом об этом повествуют сами большевики. «Массы шли вперед» — говорит в своем докладе Коминтерну Страхов: «а руководство отставало и хотело *тянуть массы назад*» (курсив «Правды»). Страхов продолжает: «Ван-Тин-вей (лидер мелкой буржуазии) приезжал к нам на заседание и упрекал нас в том, что мы продолжаем забастовку, хотя от нее страдают мелкие торговцы, что мы конфискуем заводы и ханьянские фабрики. *Мы отвечали, что это не мы конфисковали, что это сами рабочие стихийно делали*». Наконец, самое страшное признание большевиков об их «руководстве» кантонским восстанием: «перед штабом восстания постоянно толпились в течение двух дней 4-5 тысяч рабочих, которые требовали выдачи оружия. Им говорили: идите на массовые собрания, на массовые митинги *приветствовать новую власть*, но рабочие отвечали: «нет, дайте нам сначала винтовки». Винтовок большевики так и не выдали рабочим, а *новой власти* приветствовать рабочим не пришлось. Кантонское восстание было потоплено в крови.

VI

Теперь большевики сами критикуют свою политику того времени. Об'ясняют они ее неудачи тем, что они, мол, были в союзе с мелкой буржуазией и должны были считаться с ее требованиями. Это требования мелкой буржуазии сделали из них виновников поражения восстания, виновников гибели тысяч революционных рабочих и крестьян. На конгрессе Коминтерна Страхов признавал политику блока с мелкой буржуазией ошибкой и ее осудил. Если мы теперь обратимся к программе, выработанной на конгрессе, то мы увидим, что для стран «со средним уровнем развития капитализма» большевики признают необходимым «демократическую диктатуры пролетариата», т. е. союз с мелкой буржуазией. Гибельные последствия их союза с буржуазными элементами в китайском опыте, повидимому, не слишком огорчили «руководителей» всемирной социалистической революции. Стремясь к *власти* и только к *власти*, они готовы идти на союз с врагами рабочего класса, лишь бы добиться ее. Урок, полученный в Китае, им еще не уяснил, что мелкая буржуазия заклятый враг революции. Поскольку она получает койкакие материальные подачки от крупного капитала, поскольку она боится потерять свое жалкое, но зато защищенное «правом собственности» добро в революционных бурях. Союз с нею большевиков будет неминуемо приводить к поражению всех революционных экспериментов последних, к бесплодному пролитию пролетарской крови, к новым изменам «штаба» революции — рабочему делу.

VII

Для стран с развитым капитализмом намечается уже «социалистическая диктатура пролетариата», т. е. насильственный переворот, результатом которого будет разрушение буржуазного государственного аппарата и образование нового пролетарского государства, как переходной ступени к *безгосударственному* коммунизму.

Вопрос, который нам предстоит разрешить, состоит в том, насколько «диктатура пролетариата» действительно приближает общество к безгосударственному коммунизму, а не увлекает его совсем в другую сторону и не помогает реакции вновь захватить власть, выпавшую из ее рук во время революции. Теоретически, большевики стремятся к безгосударственному социализму, теоретически, их конечный лозунг и наш одинаков: «с каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Разница лишь в том, что эту конечную цель они отодвигают в бесконечное будущее, мы же, анархисты, бьемся за эту цель теперь, непосредственно. Поэтому, тем более внимательно следует присмотреться к тому средству, которое предлагают большевики для достижения конечной цели и которое представляет целую переходную эпоху, — присмотреться к «диктатуре пролетариата».

Самое первое, что бросается в глаза, — это несоответствие между целью и средством. Как итти к *безгосударственному* социализму, создавая огромное могущественное государство, воспитывая и пропагандируя «культ» государственности? «Всемирный союз советских республик», как его пропагандируют большевики, будет составлять такой сильный *железный государственный организм*, что в исторической перспективе совершенно нельзя предусмотреть, когда он падет, какие силы заставят его самоуничтожиться. Государство связано с нацией, государственная организация защищала и защищает всегда какие-то «национальные» интересы, т. е. интересы своей «национальной» буржуазии, своих «национальных» эксплоататоров. Для рабочего движения по своей природе глубоко интернационального, совершенно не нужна государственная организация, ибо нет своих классовых эксплоататорских интересов, которые этой организацией пришлось бы защищать. Что касается защиты революции и необходимого координирования сил различных рабочих организаций, то, по нашему мнению, всего этого можно достигнуть и не прибегая к созданию такого опасного для революции организма, как «пролетарское» государство.

VIII

Опасность и вредность для революции образования государства тем убедительнее и легче доказать, что большевики ссылаются, как на пример хорошо функционирующей диктатуры пролетариата, на С. С. С. Р. По этому образцу и подобию Коминтерн собирается строить социализм во всем свете. Это дает нам возможность показать, на какой гнилой базе хотят строить социализм коммуни-

сты, больше того, какую силу дают они контр-революции созданием на месте распавшегося государственного аппарата новой государственной машины. Уже тем, что они создают бюрократический аппарат, они пробуждают к жизни врагов и могильщиков революции. Класс людей, все существование которого связано с функционированием государственного аппарата, владеющего фактически огромной властью и большими привиллегиями — это ли не взращиваемая контр-революция? Не даром наш отечественный новоиспеченный фашист Керенский, мечтая о роли Муссолини, гооврит, что «при решении вопроса о власти сбросить со счетов советский аппарат и даже коекакие части компартии — невозможно». Да, больно сильно этот рыцарь печального образа, и не он один, надеется на «сильный — количественно и функционально-служилый класс (бюрократия)».

Таким образом, «пролетарское» государство создает тот слой, который впоследствии за лучшую похлебку изменит пролетариям и очистит дорожку для маленьких и больших Муссолини. Но разве только это является следствием «диктатуры пролетариата»? Богатая действительность России,-поскольку Коминтерн ставит себе ее прообразом, идеалом диктатуры пролетариата, дает достаточно материала для критики этого пути к социализму. Фабрики и заводы в руках «красных директоров», нарождающейся новой буржуазии. Рабочий класс, лишенный элементарных свобод, в клещах казенных профсоюзов безоруженно преданный новым «хозяйчикам» фабрик. Такова истинная картина «диктатуры» в СССР. Таков тот идеал, которым руководится Коминтерн. Это ли путь к *безвластному коммунизму?*

IX

Для анархистов ясно, что ни социал-демократия, ни большевики не являются истинными выразителями чаяний народных низов, истинными проводниками к тому царству социализма, к которому испокон веков тянется трудящийся и угнетаемый кучкой властников и эксплоататоров рабочий люд. Ни социал-демократы, составляющие часть буржуазии, и работающие в ее интересах, ни большевики с их диктатурой над рабочим классом — не приведут трудящихся к безгосударственному коммунизму. Только революционное действие самих этих порабощенных масс может разбить оковы капиталистического и государственного рабства. Рабочим анархистам следует быть в первых рядах борющегося пролетариата. Партия анархистов-коммунистов единственная, которая сама не стремится к власти, не стремится воспользоваться революционной борьбой в каких либо партийных интересах. Цель ее помогать по мере сил самим рабочим бороться за истинное освобождение и противостоять буржуазным влияниям государственных социалистов. Этим последним, оспаривающим друг у друга право управлять и руководить трудовыми массами, последние должны будут сказать: «Господа енералы, перестаньте ссоритъся». Последнее слово в революционной борьбе не за вами. Ни сотрудничество с буржуазией, ни диктатура над нами — не ведут к нашему идеалу».

Я. Линский.

ПОЛЗАЮЩИЕ НА БРЮХЕ

В лице разного рода «бывших» большевистская власть обзавелась незаменимыми в некотором отношении слугами своего режима. В услужении у нее находятся бывшие меньшевики, эсеры, максималисты и, наконец, бывшие анархисты. Помимо разных прочих заданий, всем этим бывшим вначале неизменно дается одно и тоже задание,— идейно унизить и оклеветать то движение, в котором они дотоле находились. Эту обязанность выполнили почти все бывшие анархисты, начиная от Лиса и Аникста и кончая Ярчуком. Особенно в этом отношении проявила себя в 1923 г. группа ренегатовъ анархистов во главе с Гейцманом, выпустившая известную коллективную декларацию. В декларации этой, авторы ее, совершив обряд коленопреклонения перед диктатурой ее величества российской социалистической интеллигенции, пытались унизить и извратить самую идеологию анархизма, представив ее, как идеологию мелкой буржуазии. (В свое время на эту попытку ренегатовъ нами был дан должный ответ: см. Анархич. Вест. № 5-6).

Вообще, государство большевиков показало, что оно может пользоваться всеми средствами в борьбе со своим идейным противником из революционного лагеря: оно душит их физически, разлагает морально, прибегая в последнем случае к неоценимой помощи ренегатов этого лагеря.

Анархическое движение в России разгромлено с 1920 г. Отдельные сохранившиеся борцы этого движения либо доживают свои последние немногие годы в тюрьмах и ссылке, либо живут под большевистской пятой без проявления каких бы то ни было признаков общественной деятельности. Режим диктатуры в этом отношении добился своего. Он установил в левом, бунтарском крыле рабочего класса тишь, гладь, да большевистскую благодать. Казалось бы, — чего больше желать? А вот большевикам этого мало. Они хотели бы в корне ликвидировать анархизм на вечные времена, при том от имени и по постановлению самих анархистов. Для них это так заманчиво. Ведь в этом случае они еще громче, еще развязнее будут трубить на всех перекрестках, что они являются самой левой, самой революционной партией в стране. В этом случае они почувствуют себя еще более свободными от возможной критики слева и еще бесцеремоннее станут подменять революционные устремления масс бюрократическим творчеством своего госаппарата.

И вот на встречу этим затаенным желаниям большевиков бегут «бывшие» из анархистов. Про этих «бывших» тоже можно было бы сказать: послужили они своему начальству и за совесть и за страх; продолжают в таком же духе изо дня в день служить и дальше. Казалось бы, жарче усердствовать им нет надобности. Но нет. Они стремятся усилить и «углубить» свое усердие.

В Москве «бывшими» образовано «Инициативное Бюро» по созыву Всесоюзного с'езда, который бывшие решили проводить под анархическим флагом. Задачей

с'езда Бюро наметило: а) заявить о полном идейном и практическом банкротстве анархизма»; б) вынести *от имени анархистов* постановление *о самоликвидации* анархического движения в России и о необходимости вступления всех работников русского анархизма в ряды ВКП. Наряду с анархистами *(Аблонский* — ан. син., *Башев* — ан. ком.) в Бюро входят «бывшие» из максималистов *(Камышев, Дерешев)* и лев. с.-ры *(Маслов)*. И это не совсем ясно. Надо думать, что на организуемом с'езде заявления о самоликвидации будут также сделаны от имени левых с.-ров и максималистов.

Усерднее других на поприще этого дела подвизается *Ефим Ярчук*, недавно еще бывший в рядах анархистов, изобличавший большевиков в контр - революции, а теперь замаливающий перед ними свои грехи охаиванием движения, которому служил большую часть своей жизни.

Технически Ярчук и Ко должны подготовить импозантный, внушительный с'езд, который произвел бы впечатление численностью. Для этой цели предполагаемых участников с'езда вербуют из тех же бывших, уже много раз отрекавшихся от анархизма, а так же из разного случайного элемента. Соответствующая агитация, несомненно, ведется и среди устойчивых анархистов.

В качестве доказательства разложения анархизма Ярчук стремится использовать опыт своего недавнего пребывания в Германии и Франции, а также такие отрицательные явления, не имеющие ничего общего с анархизмом, как анархо-патриотизм и анархо-мистицизм, отпрыском которого в Америке является «рассветовщина», т. е. те явления, с которыми анархисты давно ведут решительную борьбу.

К затее г. г. Ярчуков мы еще вернемся, когда эта затея будет проводиться в жизнь. Но уже сейчас можно сказать, что по существу она представляет собою ползанье на брюхе лиц, добивающихся для себя тех или иных знаков отличия. Ибо если искренно беспокоиться по поводу разложений в революционной среде, то, конечно, в первую очередь придется обратить все свое внимание и усилия на разложения, процветающие в ВКП: там, они по истине достигли размеров Гималаев. Но конечно, для изобличения этих разложений мужества и совести бывших людей недостаточно. Этой совести и мужества у них хватает как раз только на то, чтобы лягать и провоцировать движение, казненное властью, связанное по рукам и ногам, и не имеющее возможности открыть рта в свою защиту.

П. А.

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ АНАРХИЗМА

(Окончание)

III

Принцип интеграции труда неразрывно связан с другим столь же существенным для анархического миросозерцания принципом — с принципом децентрализации промышленности. Здесь мы снова сталкиваемся с таким же научным предрассудком, как и в вопросе разделения труда: и буржуазная и марксистская политическая экономия учит, что основным законом экономического развития является вытеснение мелких предприятий крупными. С этой точки зрения мелкая промышленность должна вытесниться средней, а средняя — крупной. Марксисты полагают, что такой же процесс происходит не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве: мелкое крестьянское хозяйство вытесняется крупным капиталистическим и прежние крестьяне постепенно превращаются в с.-х. батраков.

Кропоткин утверждает, что это неверно. «Простое изучение налогов легко об'яснило бы добрую половину того, что... приписывают предполагаемой фатальности экономических законов» 17), «Достаточно, например, увеличить на несколько копеек налоги, платимые крестьянином за каждую лошадь, телегу, корову и т. д., чтобы сразу разорить десятки тысяч земледельческих хозяйств 18). Налоговой политикой поддерживается крупное землевладение, как, равным образом, налоговой же политикой государства создается пролетаризация крестьянства. Известно, например, что в дореволюционной России крестьянин с каждой десятины земли платил в несколько раз больший налог, чем помещик. Если бы во всех странах государство не поддерживало бы крупного землевладения в ущерб крестьянскому землевладению, то последнее давно вытеснило бы крупное землевладение.

Во всех странах крупное землевладение возникло путем захвата земли господствующими классами еще в далеком прошлом. В законодательстве разных стран и в настоящее время существует ряд ограничений, препятствующих продаже крупных владений (майорат и др.), продажа земли облагается тяжелыми пошлинами в пользу государства и дается ряд льгот крупным владельцам по обложению налогами. Тем не менее, крестьянское землевладение растет за счет помещичьего. Вот, например, данные германской статистики о состоянии сельского хозяйства 19).

размер хозяйства	площадь занятая хозяйствами: 1882 год	1895 год	1907 год
до 2 гектаров	1826 т. гект.	1808 т. гект.	1731 т. гект.
от 2 до 5 „	3190 „ „	3286 „ „	3305 „ „
от 5 до 20 „	9158 „ „	9722 „ „	10422 „ „
от 20 до 100 „	9908 „ „	9870 „ „	9322 „ „
свыше 100 „	7786 „ „	7832 „ „	7055 „ „

Таблица показывает, что сокращается немного количество самых мелких хозяйств (меньше 2-х гект.) и значительно-крупных хозяйств, имеющих свыше 20 гектаров, но растет типично трудовое крестьянское хозяйство, имеющее от 2-х д 20 гектаров земли. По данным, собранным т. Хархардиным, развитие сельского хозяйства и в XX веке идет таким же образом (число хозяйств в %, по величине площади 20).

Страны	годы	до 5 гект.	от 5 до 10 гект.	от 10 до 20 гект.	от 20 до 100 гект.	свыше 100 г. гект.
Германия	1907	74,5	12,4	7,7	5,0	0,4
	1925	76,9	11,7	7,1	3,9	0,4
Голландия	1904	50,8	19,1	16,2	13,8	0,1
	1921	50,8	22,1	15,6	11,4	0,1
Норвегия	1907	79,8	11,2	6,3	2,7	—
	1917	86,1	8,0	4,3	1,6	—
			от 5 до 12,5 г.	от 12,5 до 25 г.	от 25 до 125 г.	более 125 г.
Соед. Штаты	1910	13,2	22,2	22,6	39,2	2,8
	1925	15,2	22,7	22,3	36,5	3,3

Следовательно, и в последние десятилетия, несмотря на неблагоприятные условия, крестьянское землевладение продолжает расти. Отсюда необходимо сделать два вывода: во-первых, крестьянство вовсе не являетсч пережитком прошлого, но продолжает расти численно и представляет собою и будет представлять во всех странах большую общественную силу, во-вторых в сельском хозяйстве мелкое предприятие выгоднее крупного и поэтому «усилия революции должны быть направлены не к уничтожению мелкого сельского хозяйства, а *к об'единению мелких хозяйств во всем том, что требует об'единения их усилий* (21).

Благодаря развитию кооперативного движения, крестьянское хозяйство даже в капиталистическом обществе ни в чем не уступает капиталистическому: кооперативная закупка сырья и кооперативный сбыт устраняют экономические преимущества капиталистических хозяйств перед крестьянскими, а машинные товарищества, контрольные товарищества, товарищества по переработке продуктов, а так же общественная агрономия — дают мелкому крестьянскому хозяйству те технические преимущества, которые крупное капиталистическое хозяйство имеет перед некооперативным крестьянским хозяйством.

Поэтому, мы целиком присоединяемся к Кропоткину; когда он говорит: «Для организации социалистического, — вернее коммунистического — общества, среди крестьянства... крестьянское кооперативное движение... представит живучее, *творческое* ядро коммунистической жизни... И толчек в этом направлении придет, может быть из России и, отчасти, из Соединенных Штатов» (22).

И прямым завещанием, оставленным Кропоткиным своим последователям, звучат следующие слова из того же письма: «Для того, чтобы вдохнуть живую силу в оба эти движения (речь идет о синдикализме и о кооперации), — оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться из орудия самозащиты в могучее орудие коммунистического преобразования общества, — для этого нужны силы, более молодые, чем мои и, особенно, — сотрудничество из недр рабочих и крестьянских. Такие силы найдутся. Они уже есть и в том и в другом движении, хотя еще не сознают предстоящей им будущности; не разобрались в ней; не проникли́сь социалистическим идеалом» (23).

Таково завещание Кропоткина своим единомышленникам. И нам, при выработке программы а.-к., насущно необходимо приложить старания к коллективной проработке основ экономического учния анархизма, правильной отныне роли крестьянства и крестьянского хозяйства, правильной оценке кооперации и проработке программы а.-к. именно в том направлении, которое наметил в самых общих чертах Кропоткин в последние годы своей жизни.

Перейдем теперь ко второму вопросу, по которому мы также расходимся с марксистами, как и по вопросу о крестьянстве. Вторым предразсудком является учение буржуазных и марксистских экономистов о концентрации капиталов в промышленности, т. е. о гибели мелких предприятий и замене их крупными.

По данным германской статистики тенденции промышленного развития были таковы (24):

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Число рабочих в мелких предприятиях (не более 5 рабочих в каждом)	4336 т. ч.	4771 т. ч.	5383 т. ч.
Число рабочих в средних предприятиях (от 6 до 50 рабочих в каждом)	1392 „ „	2454 „ „	3689 „ „
Число рабочих в крупных предприятиях (свыше 50 рабочих в каждом)	1613 „ „	3044 „ „	5364 „ „

Таким образом, беспристрастная статистика блестяще опровергает теорию гибели мелкой промышленности и замены ее крупной. Мелкая промышленнсть не только не гибнет, но, наоборот, — она растет, только рост ее идет медленнее, чем рост средней и, в особенности, крупной про мышленности. Следовательно, теория концентрации производства должна быть принимаема условно и истолковываема не в смысле вытеснения мелкой промышленности крупной, а в смысле более быстрого роста крупной промышленности, сравнительно с мелкой. Это существенная поправка. Чем же об'ясняется более быстрый рост крупной промышленности? Прежде всего, говорит Кропоткин, тем, что государственная власть создает монополии в пользу крупных капиталистов. В Англии каждая новая отрасль промышленности обращалась в монополию: сперва, на заре капитализма, — соль, квасцы, свинцовые и угольные копи в Ньюкестле, стеклянная промышленность, производство меди и т. д., а затем, в XIX веке, — железные дороги, океанские пароходные линии, телеграф, концессии на постройку металлургических и горнопромышленных предприятий для поставки железным дорогам железа на рельсы, железных или стальных листов подвижного состава и топлива, потом — предприятия на постройку железных морских судов, военного снаряжения (брони, пушек, ружей, холодного оружия и т. д.) предприятий для постройки каналов, тунелей и т. д. Нет возможности перечислять все предприятия, указанные Кропоткиным в главах о монополии (см. «Современная наука и анархизм»). Синдикаты и тресты стали возникать с конца 90-х годов тоже при поддержке государства, так как капиталисты об'единялись в интернациональном масштабе для того, чтобы те привиллегии, которые они имеют в одной стране, распространить на страны свободной торговли.

Таковы настоящие причины более быстрого роста

крупной промышленности, сравнительно с мелкой. Кроме этой основной причины более быстрого роста крупной промышленности, причины политической, есть еще второстепенные причины экономического характера.

Сравнивая мелкую промышленность с крупной, Кропоткин делает вывод, что «преимуществом фабрики является *не техническая* организация и не выгоды, доставляемые паровым двигателем, а *более выгодные условия продажи товара и покупки сырого материала*» 25). Другими словами, крупные предприятия имеют, в условиях капиталистического строя, *экономические* преимущества перед мелкими. Так, покупка больших партий сырья для производства (или товаров для торговли) обходится дешевле, чем покупка мелкими партиями. Затем, крупное предприятие может непосредственно сноситься с производителями, минуя посредников и покупать товар на самом дешевом и далеком рынке. Так же и в продаже, крупное предприятие меньше зависит от рынка: оно может продавать свои товары на самом выгодном, хотя бы и отдаленном рынке.

Все эти преимущества экономического характера являются вполне реальными в капиталистическом обществе, но теряют свое значение после уничтожения капиталистического строя. Даже в рамках капитализма мелкие производители могут путем об'единения в кооперативы, ослабить свою зависимость от рынка и приобрести те выгоды, которые имеет на рынке крупное предприятие 26). После уничтожения власти капитала и рыночных отношений, исчезнут экономические преимущества крупных предприятий перед мелкими.

Конечно, есть такие промышленные предприятия, которые должны быть крупными, благодаря самому характеру производства. Таковы машиностроительные заводы, кораблестроительные верфи, чугунолитейная и горная промышленность 27). Но такие отрасли промышленности не составляют вовсе большинства в народном хозяйстве: численное преобладание на стороне остальных отраслей промышленности.

Но в большинстве случаев «большие фабрики являются только совокупностью самых разнородных производств под общим управлением». В других же случаях, как например, наши громадные прядильные и ткацкие заведения, представляют из себя только собрание под одною крышею многих, совершенно одинаковых машин. Первое, т. е. соединение разнородных производств под одним управлением, имеет место потому, что капиталист получает выгоды от всех стадий переработки сырого материала, а вовсе не потому, что это технически необходимо. В часовом деле и других мелких производствах подразделение производства между многими мастерскими не встречает никакой помехи с технической стороны. А в Манчестере даже производство хлопчато-бумажных тканей разделено между несколькими фабриками по различным стадиям обработки (28).

Что же касается собрания под одной крышей совершенно одинаковых машин (тысячи ткацких станков или сотни тысяч веретен), то таковое вызывается только стремлением капиталиста монополизировать рынок. Это дает ему возможность ставить свои условия рынку. Но с *технической* точки зрения выгоды такого совмещения часто весьма сомнительны» (29).

Противники мелкой промышленности часто указывают, что «каждая лошадиная сила, развиваемая паровой машиной, стоит во столько то раз дешевле, если она доставляется большою машиною, а не маленькой; ...Однако, электрическое распределение силы с центральной станции вполне устраняет»29) всякое различие в стоимости затрат на энергию в крупных и мелких предприятиях. Распространение электрической энергии устраняет основные технические преимущества крупных предприятий перед мелкими.

Больше того, машина до сих пор еще не может целиком вытеснить ручной труд. «Машина заменит ручную работу для производства незатейливых вещей, и ручная работа несомненно будет применяться, как к художественной окончательной отделке тех вещей, которые теперь всецело делаются на фабрике, так и к новейшим производствам»30). «Новые же отрасли промышленности... всегда развиваются сначала в небольшом размере»31).

Таким образом Кропоткин, учитывая факт последовательного развития народов, — с одной стороны, и необычайную живучесть мелкого производства — с другой, и, кроме того, об'ясняя наблюдающуюся во многих отраслях промышленности концентрацию капиталов стремлением капиталистов к монополизации рынка, подчеркивает факт *децентрализации промышленности* в рамках капиталистического общества и настаивает на необходимости еще большей децентрализации ее после социальной революции.

IV.

«Перестройка общества на социалистических началах будет невозможна, пока фабричная, обрабатывающая промышленность, а следовательно и благосостояние фабричных рабочих будут строиться, как они строятся теперь, на эксплоатации крестьян своего же народа, или других народов»32). Это — во первых. А во-вторых, рабочие и крестьяне только выиграли бы «от соединения земледелия с промышленностью, если бы промышленность проникла в деревни не в виде современной капиталистической фабрики, а в виде кооперативно организованного производства, пользующегося машинами и техническим знанием»33).

Кропоткин неоднократно подчеркивает мысль, что процесс лежит в производстве для собственного потребления. Революционные движения «расшатают современную международную торговлю, ограничат ее действительно необходимым обменом»34), уничтожив эксплоатацию отсталых народов более передовыми. Не только каждый народ, «каждый район должен сделаться своим собственным производителем и потребителем, как мануфактурных товаров, так и продуктов земледелия»35). Для этого необходимо после революции «озаботиться распространением промышленности по всей стране, т. е. переместить большинство фабрик в деревни и извлекать из земледелия все те выгоды, которые оно может дать от соединения с промышленностью»36).

Следовательно, с анархической точки зрения необходимо все фабрики и заводы, представляющие собою сос-

динение под одной крышей одинаковых машин или последовательных процессов производства, преобразовать в мастерские и распространить их по деревням. Вместе с ними должна быть распространена и рабочая сила и технические знания. Таким образом, должна быть повсеместно создана *техническая* среда, без которой не может быть прогресса ни в области промышленности, ни в области земледелия. В создании такой технической среды — залог расцвета новой культуры.

Таким образом, стремление трудящихся к *интеграции труда* и тенденции *децентрализации промышленности* являются предпосылками анархического коммунизма. Только интеграция труда ведет к действительному уничтожению классов, уничтожению эксплоатации человека человеком. Только децентрализация промышленности служит условием строительства социализма в одной стране (и тем в большей мере, чем меньше данная страна) и экономической основой для действительной автономии каждой коммуны. Без децентрализации промышленности не может быть политической децентрализации, не может быть анархии. А без интеграции труда не может быть коммунизма.

Децентрализация промышленности и интеграция труда — основные условия строительства анархо-коммунистического общества. В дальнейших статьях мы остановимся на тех основах экономического учения анархизма, которые не были затронуты в настоящих статьях, но были намечены в напечатанной несколько лет тому назад статье «Венок на могилу Кропоткина»37) (первенство потребления, теория ценности). В частности остановимся на тех элементах экономического учения анархизма, которые характеризуют предпосылки разрушения капиталистического строя (учение о классе, социальная база анархизма).

В. Худолей.

Указатель работ, которыми пользовался автор при построении статьи «Основы экономического учения анархизма».

---

17) Кропоткин. — «Современная наука и анархия», 217 стр.

18) Кропоткин. — «Современная наука и анархия», 216 стр.

19) Туган-Барановский. — «Основы политической экономии», 207 стр.

20) Хархардин. — «Новый Мир».

21) Кропоткин. — «Речи бунтовщика», 338 стр.

22) Письмо Кропоткину Атабекяну, см. «Почин», № 3 за 1922 г.

23) Там же.

24) Туган-Барановский. — «Основы политической экономии», 169 стр.

25) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 178 стр.

26) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 180 стр.

27) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 187 стр.

28) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 188 стр.

29) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 188 стр.

30) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 187 стр.

31) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 1189 стр.

32) Кропоткин. — «Речи бунтовщика», 347 стр.

33) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 186 стр.

34) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 192 стр.

35) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 42 стр.

36) Кропоткин. — «Поля, фабрики и мастерские», 192 стр.

37) Худолей. — «Венок на могилу Кропоткина», «Волна» за 1924 или 1925 г.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

ГЛАВА 3. ДВА ЛАГЕРЯ

(Продолжение)

В чем же состоят эти наши внутрипартийные трудности, которые нам необходимо преодолеть? В чем заключается эта вторая сторона нашей задачи, решение которой в целом создает необходимые предпосылки для исчерпывающего разрешения организационной проблемы нашего движения? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, прежде всего, к своим собственным рядам.

Что представляет собою нынешнее лицо всего того, что причисляет себя к анархическому лагерю? Какие течения и группировки в нем наблюдаются, по каким линиям идет расслоение наших рядов? Нам необходимо точно уяснить себе расстановку сил внутри обще-анархического движения.

Во-первых, мир анархистов и всех тех, кто причисляет себя к анархистам, делится в основном на два по существу враждебных, чужеродных, принципиально - непримиримых лагеря. Пропасть, пролегающая между ними, далеко не всеми видимая, ничем не может и не должна быть заполнена, никаких мостиков, никаких компромиссов! Здесь возможна только война или полная капитуляция друг перед другом. Переход в стан противника на основе полного разрыва со своей настоящей сущностью. Только так стоит вопрос.

С одной стороны, — лагерь революционного, рабочего, коммунистического анархизма, лагерь, признающий необходимость организованной борьбы трудящихся, организации своих сил, стоящий на позициях революционной классовой борьбы, борющийся за безгосударственное самоуправляющееся коммунистическое общество. Через организацию труда, на основе классовой борьбы, через социальную пролетарскую революцию, к рабочему анархическому коммунизму и свободной трудовой личности — вот знамя, под которым сражается первый лагерь.

С другой стороны, — лагерь вегетарианского, надклассового, индивидуалистически - дезорганизованного, анархиствующего либерализма. Лагерь, не признающий необходимости организации своих сил и сил борющегося труда. Лагерь напуганных толстовцев, сомневающихся или вовсе непризнающих революционного метода борьбы. Лагерь, стоящий не на классовой базе труда, а на расплывчатой «обще - человеческой» жиже или на гнилых ходулях «свободной личности». В этом втором, весьма пестром и противоречивом лагере, находят себе место анархиствующие толстовцы и ницшианские сверхчеловеки, весьма радикальные, по существу, буржуазные индивидуалисты, — типа мирных, философствующих фразеров - декламаторов, или буйных, хулиганствующих сумасбродов. И на ряду со всем этим сборищем встречаются в высшей степени нравственные, несомненно искренно, до конца преданные делу трудящихся, борцы, готовые жертвовать собою в великой борьбе трудящихся за свое освобождение, но, повидимому, не совсем сознающие своего истинного положения, своей роли, непоследовательности своих позиций. Они, большей частью, выходцы из интеллигентской мелко - буржуазной среды, подчас изрядно зараженные разными либеральными идейками; болеют обще - человеческими уклонами, ложно понятой гуманностью, страдают невероятной неспособностью к организации, коллективности, — болеют аристократизмом и т. п. Большинство этих товарищей, несомненно, по ошибке попали в этот лагерь, в это ложное положение, и имеют все данные для того, чтобы порвать с ним, — стать под знамена рабочего революционного анархизма. Однако, из того, что эти немногие товарищи не совсем погибли для нашего движения, не следует, что мы должны, спасая их, спуститься в болото этого второго лагеря, перебрасывать туда какие то мостики. Нисколько! Так мы никого не спасем, скорее сами начнем тонуть. Наоборот, — здесь нужна другая линия. Надо открыть жесточайший огонь по этому чуждому, враждебному нам лагерю, который по существу, в большинстве своем, вовсе не является анархическим. Надо его до конца разоблачить. Раз на всегда отмежеваться от него внутри себя и перед другими. Надо провести глубокую, непримиримую борозду между этими двумя лагерями, — покончить с положением, когда есть анархисты и так называемые «анархисты». Надо отбить охоту у этих молодчиков, разного рода чудаков и политических юродивцев выступать под знаменем анархизма; сделать это выступление невозможным. Лишь только на основе резкой размежевки с этим чуждым нам миром, в огне этой здоровой критики, — все лучшее, наиболее честное, осознав ложность своего положения, своих позиций, покинет это обреченное на безплодие, уже разлогающееся болото.

***

ГЛАВА 4. ЛАГЕРЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА

1) Общая характеристика

Если с этим вторым чуждым лагерем нам не о чем договариваться и в отношении его мыслима и обязательна только одна тактика полного разрыва, то внутри первого, в общем здорового, но к сожалению далеко не единого лагеря анархистов, нужно и можно во что бы то ни стал договориться. Если там — непримиримая война, то здесь надо мириться, выяснять, раз'яснять, договариваться, об'единяться. Нужно и можно найти общий язык, на основе правильного понимания идей анархического коммунизма, разработки и оформления нашей теории, здоровых организационных начал. Нужно об'единиться вокруг одной программы, крепко организоваться под одним знаменем. Однако, возможен ли общий язык в этом лагере рабочего революционного анархизма? Возможно ли об'единение его сил на основе единых идеологических и организационных принципов? И каковы пути этого об'единения, этой консолидации наших сил, нашей теории и практики? Что же представляет собой весь этот лагерь в целом и различные течения внутри него в отдельности? Как выглядит их идейное лицо? Что их разделяет и что их об'единяет? Каковы их исторические корни, их социально-классовая основа?

Если подняться несколько выше разных фракционных колоколен, если хорошенько разобраться в этом вопросе, то весь этот лагерь революционного анархизма по своей идеологии, в основном, в главном, есть прежде всего, лагерь революционного *коммунистического* анархизма. В этом смысле весь этот лагерь представляет собой нечто единое в идейном отношении. Основные принципы и идеи революционного коммунистического анархизма, т. е. безгосударственное, самоуправляющееся, коммунистически организованное общество, как общественный идеал, как основная цель нашего движения, нашей борьбы и революционный антигосударственный, классовой, рабочий характер пути борьбы за этот коммунизм, это — то главное, положительное, что составляет душу, принципиальную сущность нашего учения, без чего вообще нет анархизма и что нас анархистов отличает от других систем социально - политической мысли. Больше того, идеология, основные принципы анархического коммунизма, — это то сильное, положительное, тот здоровый корень нашего движения, то неумирающее знамя, которые общи всему этому лагерю революционного рабочего анархизма. Представителей различных течений внутри этого, к сожалению, далеко не единого лагеря, частенько сами того не сознавая, стоят и сражаются именно под этим единым, общим им всем знаме-

нем анархического коммунизма. Все это бесспорно, азбучно, хотя далеко еще не всеми осознано. Однако, это еще не все. Это верная постановка еще не решает, не исчерпывает вопроса; она еще не об'ясняет нашего внутри - партийного положения, а дает только общую установку, руководящую идею, некоторый ключ к его правильному пониманию.

Учение анархического коммунизма, как при своем возникновении, так особенно в настоящее время, представляет собою цельную, законченную систему взглядов, революционную идеологию борющегося труда, в основном сформулированную нашими учителями, Бакуниным и Кропоткиным. Однако, благодаря некоторым неясностям, «провалам» и «пустым местам», благодаря своей недостаточной разработанности и оформленности, как в прошлом, так в некоторой, правда, в меньшей мере, в настоящем, — в некоторых вопросах теории и тактики единая анархо - коммунистическая идеология дала в жизни, в практическом движении несколько различных течений. Или, что будет правильнее, различные группы, далеко не случайные, а пожалуй представители различных *социально классовых групп*, становившиеся под знамя анархизма, по разному воспринимали некоторые стороны нашего учения; по разному решали некоторые неясные вопросы, по разному пытались заполнять некоторые пустые места и провалы наших теоретических, тактических и организационных построений. Этой отсебятиной занимались главным образом в вопросах организаций, форм, методов борьбы, проблемы второго дня социальной революции и т. д.

Различные ответы на все эти вопросы, а в некоторых случаях не ответы, а смазывания некоторых вопросов, является источником разногласий и фракционной борьбы в нашей среде. Таким образом, единая, анархо-коммунистическая идеология, в практическом движении дала в основном два главных, преобладающих, типичных направления одной и той же анархо коммунистической мысли. С одной стороны синдикальное (в смысле приятия синдикального метода) крыло анархизма, т. наз. анархо - синдикалистское течение в анархизме, которое правильнее было бы назвать синдикальным анархо - коммунизмом. И с другой стороны, учение анархического коммунизма дало антисиндикальное, бунтарское, сектантски - проповедническое течение в анархизме, которое, повидимому, благодаря заострению своей работы, главным образом на проповеди анархо - коммунистического идеала присвоило себе название анархо-коммунистического, хотя имело к этому основание ничуть не большее, чем так наз. анархо-синдикализм. Всякие другие промежуточные течения и группки в основном, с большими или меньшими отклонениями примыкали к одному из этих двух типичных направлений.

Что касается так наз. анархо - индивидуализма, который некоторые товарищи склонны рассматривать, как третье основное течение в анархизме, то он находится на особом положении. Большая часть анархо-индивидуалистов должна быть с полным основанием отнесена ко второму, чуждому нам лагерю, как ничего общего не имеющая с идеями подлинного революц. коммунистического анархизма. И пусть себе барахтаются в нем! Они нас не интересуют. И не о них мы будем сей час говорить. Меньшая часть так называемых анархо-индивидуалистов, вернее одиночки из них могут быть условно, со всякими натяжками и оговорками, причислены к первому лагерю. Это те из них, которые, не уяснив себе ряда вопросов нашей теории, поставив некоторые идеи на голову, по ошибке, по недоразумению попали в эту компанию и носят это, столь одиозное в наше время название. В общем и целом, именно эти немногие товарищи среди индивидуалистов являются жертвой все той же неясности, путанности, неопределенности в понимании, в конкретном представлении путей борьбы за коммунизм; жертвой неразработанности некоторых вопросов нашей теории и тактики, жертвой общей всем нам болезни. Но анархо-индивидуализм этих товарищей - одиночек, в отличие от большинства анархо-индивидуалистов, основан не на принципиальной противоположности революционному анархизму, а скорее вырос на ошибочном толковании некоторых идей и тактических положений (вопрос о свободе личности в анархич. коммунизме и т. д.). Их расхождения не столько принципиального, сколько тактического характера (обо всем этом несколько подробнее ниже). Но при правильной критической раз'яснительной работе именно эти немногочисленные товарищи, гл. обр. выходцы из интеллигентской и мелкобуржуазной среды, несомненно выправят свою линию, порвут с ложными идейками, перейдут на позицию здорового революционного анархизма, смогут стать его не плохими бойцами.

Все эти различные ответы, расслоения и фракционные течения внутри общего анархо-коммунистического движения ни в какой мере не являются случайными. Все эти фракции, к сожалению, слишком реальны, слишком дают себя чувствовать, чтобы можно было об'явить их несуществующими. Меньше всего они являются продуктом случайных настроений группок или отдельных лиц, не имеющих под собой никакой идейной и социально-политической базы, как это кажется некоторым товарищам. Ничего подобного! Подобных случайностей в истории не бывает. Это было бы слишком наивное понимание и об'яснение процессов формирования и развития идеологии рабочего класса, каковой иделогией и является анархический коммунизм. Все эти явления, несомненно, имеют под собой свои исторические, социально классовые основания. И лишь поняв и об'яснив их, мы сможем преодолеть эти ненормальные стороны нашего движения. Опасным упрощенством и вопиющей нереальностью была бы попытка об'явить все эти течения несуществующими, надуманными. Дескать, есть единый анархо-коммунизм или, как твердят другие, анархо-синдикализм, и точка; а все остальное от лукавого, или вообще не существует. Такой взгляд означал бы нежелание понять сущность этого вопроса, сугубо неверную оценку нашего фактического исторически сложившегося «сегодня», нашего внутри-партийного положения. Это означало бы должное принимать за сущее, означало бы не видеть самой жизни, витать где-то над ней, не желать видеть ее неприятных фактов. Только невеже-

ство или трусость мысли могут лежать в основе таких рассуждений, такого подхода. Ни то, ни другое никогда еще не приносило пользы рабочему движению. Такая постановка вопроса только отдаляет решение части задачи, стоящей перед нами, — задачи оздоровления и об'единения активного большинства нашего движения. Мы от этого можем только проиграть. Это значит вместо открытой постановки и решения стоящего перед нами вопроса об'являет его вообще несуществующим, уклоняться от его решения. Последнее сделать очень легко, но дело не в этом, *а в действительном преодолении* всей этой упорствующей фракционности, от которой никак нельзя отмахнуться, мимо которой никак нельзя и не долнжо пройти.

Андрей Бородин.

(Продолжение следует)

И. В. ХАРХАРДИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ

Примечание: «Очерки по истории анархизма в России» т-ща Хархардина, представляют собой большой труд, печатание которого в журнале потребует не менее двух лет времени. К сведению т-щей печатаем здесь программу этого труда, как она была сообщена нам автором.

Содержание: 1) Россия в 18 веке. 2) Утопический анархизм в России 18 века. 3) Анархические идеи в русском масонстве. 4) Оуэнизм в России. 5) Россия в первой половине 19 века. 6) Анархические идеи в славянофильстве. 7) Фурьеризм в России. Петрашевцы. Д. Д. Ахшарумов. 8) Прудонизм в России. В. Г. Белинский. 9) Анархические элементы мировоззрения А. И. Герцена. 10) Россия во второй половине 19 века. 11) Русский прудонизм в 60-ых годах. Ножин. 12) М. А. Бакунин. 13) С. Г. Нечаев. 14) П. Л. Лавров. 15) Анархизм в народничестве 70-ых годов. 16) П. А. Кропоткин. 17) Л. Н. Толстой. 18) Россия в 20 веке. 19) Анархизм в период 1902 - 1907 г. 20) Анархизм перед войной и революцией 1917 года. 21) Заключение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История анархизма в России во всех его видах и проявлениях изучена очень мало.

По истории анархической мысли у нас имеется довольно обширная литература. Но вся она состоит из разрозненных и ничем не связанных друг с другом статей самой различной ценности, разбросанных в отдельных трудах по истории общественных движений и преимущественно в различных повременных изданиях. Литература по истории анархического движения в России пока очень невелика. Материалы, относящиеся к этому вопросу, еще нужно собирать, извлекая их из различных архивов. Обилие литературы по истории мысли и недоступность архивных материалов по истории движения являются одной из причин малой исследованности судеб анархизма в России. До сего времени у нас нет сколько-нибудь серьезного труда, посвященного этому вопросу. Работы Л. Кульчицкого (Мазовецкого), Б. Горева, А. Яковлева и других авторов написаны с явно-полемической целью и густо окрашены стремлением ко всемерному дискредитированию анархизма. Пристрастность делает их работы совершенно не об'ективными и лишенными какой-либо научной ценности. К тому же они охватывают лишь отдельные периоды в развитии русского анархизма.

Такое положение дел несомненно оправдывает предпринятую в предлагаемом вниманию читателя труде попытку дать сжатый, но более или менее всеоб'емлющий очерк истории анархизма в России. Помимо чисто-теоретического интереса, эта попытка должна иметь и непосредственное практическое значение, поскольку изучение истории выявляет пути движения, его недочеты и ошибки и предохраняет нас от повторения последних в будущем.

В этой работе я излагаю одновременно историю и анархической мысли, и анархического движения. Необходимость такого подхода к изложению вызывается тем, что анархизм не имеет единой общепринятой доктрины. В процессе общественного развития сложилось несколько анархических систем, отличных друг от друга. Разные теоретические постулаты, лежащие в основе каждой из них, приводят к разной тактике. Поэтому для большей ясности и понятности изучаемого вопроса необходимо именно совместное изложение истории мысли и движения.

Должен здесь же оговориться, что при изучении истории анархической мысли мною использована только глав-

нейшая литература. Полное изучение всего того, что по этому вопросу опубликовано, потребовало бы очень много времени и надолго задержало бы работу. Да и вряд ли при первой попытке наметить общие контуры русской анархической мысли такое подробное изучение необходимо. Не исключая возможности, что более углубленное изучение русской общественной мысли могло бы открыть новые учения с анархическим оттенком, я все же беру на себя смелость заявить, что основные, краеугольные этапы в развитии анархической мысли в России в этом труде выявлены полностью и намечены правильно.

История анархического движения изложена мною только по опубликованным уже в печати данным. Использовать архивные материалы я по понятным причинам не мог. А собраный мною с большим трудом различный материал в виде прокламаций, воззваний, отчетов анархических организаций и пр. (равно, как и приготовленные к печати первые главы этой работы) дважды — в 1920 и 1925 годах — по независящим от меня обстоятельствам погибал и оказывался недосягаемым для моего использования.

Наконец, должен указать, что я старался быть об‘ективным по отношению ко всем без из‘ятия оттенкам анархической мысли и движения. Насколько это удалось, судить не мне.

В этой работе я рассматриваю историю только современного анархизма, понимая под этим только те анархические учения, которые нашли свое воплощение в литературном изложении и связаны в той или иной мере с использованием для своего обоснования данных науки. История народного самобытного анархизма; базирующегося на религии и изустной передаче, настолько интересна и своеобразна, что ее нужно рассматривать отдельно, что я и намерен сделать в особой работе.

Рассмотрение анархизма в России в настоящей работе я начинаю с XVIII-го века, так как только в это время появляются в нашей литературе произведения и учения, несущие в себе кое-какие задатки анархизма.

И. Хархардин.

ГЛАВА I

РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ

Значение XVIII века в истории России. Рост народонаселения и плотности. Народное хозяйство: сельское хозяйство, промышленность, торговля — внутренняя и внешняя. Сословно-классовый состав населения: дворянство, духовенство, горожане, крестьянство. Политические права и экономическое положение сословий. Крепостное право. Распределение населения в конце века в сословно - классовом отношении. Культурный уровень русского населения в XVIII веке. Влияние западно-европейской мысли на русское общество.

***

XVIII век в истории России занимает особое и почетное место. Это было время, когда Россия из второстепенной державы, являющейся об‘ектом международной политики, превратилась в государство первой величины, с которым все другие западно-европейские государства принуждены были считаться, как с серьезной силой. Ряд удачных войн, проведенны Петром I и его преемниками, закрепил это положение. В это столетие была окончательно завершена работа московских царей по собиранию воедино основных русских земель, и, кроме того, началась весьма интенсивная деятельность по расширению территориальных границ России на западе, юге и в Средней Азии. В результате, по словам А. Корнилова, в период царств, Екатерины II «международное положение России было таково, что не только не могло возникать каких-либо опасений за неприкосновенность границ, но, пользуясь положением могущественной великой державы, эксплоатируя слабость своих соседей, Россия могла проявлять огромное влияние на международные отношения всего цивилизованного мира» *). Наконец, XVIII век был веком окончательной и прочно закрепленной европеизации России, веком быстрого, по сравнению с предыдущими, культурного роста населения, особенно его социальных верхушек. Это столетие было также эпохой сильного экономического развития русского народного хозяйства.

О темпе превращения России из второстепенной державы в великую и о росте ее внутренней мощи можно судить на основании одного того, что за три четверти столетия население ее увеличилось почти в три раза. Вычисления, произведенные на основании ревизских сказок, дают следующую картину роста народонаселения России в восемнадцатом столетии (в мил. жит.*):

1	ревизия	1724 г.	13
3	„	1762 г.	19
5	„	1796 г.	36

Увеличение числа жителей шло не только путем естественного прироста, но и благодаря присоединению к старой территории России новых местностей. Особенно быстро, как это видно из приводимых цифр, рост населения шел в последние тридцать лет XVIII-го века, причем из 36 мил. подданных в 1796 году, 7 мил. жителей приходилось на вновь присоединенные местности**).

---

*) А. Корнилов. — Курс истории России XIX в. Часть I. Москва. 1918 г., стр. 17.

*) П. Н. Милюков. — Очерки по истории русской культуры. Ч. I, стр. 24 и пр.

**) А. Корнилов. — Курс истории России XIX века. Ч. I, стр. 18.

Умножение народонаселения сопровождалось ростом плотности. Если в 1724 году на одну квадратную версту территории, входившей тогда в состав России, приходилось 4,3 человека, то в 1796 г. плотность населения поднялась уже до 9 человек на кв. версту ***).

Более населенными оказались, конечно, центральные районы, плотность населенности остальных районов падала по мере отодвигания их от центра. Так, во времена первой ревизии в Московской губернии плотность составляла 29,4 человека на кв. версту, в Киевской — 11,2, Смоленской — 7,2, Озовской — 3,9, в Сибири — 1,9 и т. д.****).

***

Основой хозяйственного благополучия России в XVIII веке являлось сельское хозяйство. Но оно носило экстенсивный характер. В начале столетия России еле-еле хватало хлеба собственного производства. Некоторые же районы, особенно центральные во многом питались хлебом, привозимым из других губерний. Начавшаяся земельная теснота на территории, расположенной вокруг Москвы, способствовала развитию в этих местах трудоинтенсивных культур—конопли и льна. С присоединением во 2-й половине века южных окраин (Новороссии и часть Кавказа) Россия становится чисто земледельческой страной с громадными избытками хлеба. Втечение века в сельском хозяйстве появился кроме того целый ряд новых отраслей — шелководство, виноградарство, специальные отрасли животноводства и так далее.

Промышленная деятельность в первое десятилетие XVIII столетия имела вид кустарного и ремесленного производства. И то, и другое в большинстве случаев было тесно связано с сельским хозяйством. Кустарные промыслы, развивавшиеся в деревне, велись крестьянином или на свой риск и страх, или же под руководством помещика. Экономическая политика Петра I, рассчитанная на развитие собственного туземного производства промышленных изделий и фабрикатов, ранее ввозившихся из-за границы, вызвала появление мануфактуры. Одновременно с этим развивалась и переработка продуктов сельского хозяйства. Развитие фабричного производства пошло настолько быстро, что в 20-х годах правительство насчитывало 233 фабрики*). Количество рабочих на них очень трудно установить, но оно несомненно исчислялось десятками тысяч. Доказательством этому можно считать тот факт, что на девяти казенных горных заводах в пределах Урала было до 25.000 рабочих, а на одной только государственной Московской парусной фабрике — более 1.000 рабочих. Владельцем фабрик того времени было преимущественно купечество. Рабочий контингент главным образом состоял из крепостных крестьян, приписанных к фабрике, и разного сброда, отдававшегося на «исправление» на фабричные работы. Вольно-наемные рабочие из горожан или крестьян, отпущенных на оброк, составляли еще сравнительно незначительную часть. Однако, в 1741 году на 37.862 рабочих приходилось 12.497 человек или 31% вольнонаемных**). С середины века увеличивается число фабрик, принадлежащих дворянству. В 1773 году из 394 фабрик 66 принадлежали дворянам, но это были наиболее крупные предприятия, и их оборот составлял одну треть общего оборота всех фабрик***). Кроме того, дворянство одновременно стало усиленно производить первичную переработку продуктов своего сельского хозяйства, заводя винокуренные заводы и проч. Рост промышленности был настолько интенсивен, что за сравнительно короткий промежуток времени Россия вошла в круг промышленно-развитых стран. В 1762 году у нас уже считалось, за исключением горных, 984 фабрично-заводских предприятия. В 1796 г. их было 3.161*). О производственной мощи фабрично-заводской промышленности дает представление сообщение М. И. Туган-Барановского, что в 1773 году «по далеко неполноему рассчету» стоимость производства русских фабрик (без горных заводов) оценивалась в 3.548 тысяч рублей на деньги того времени**). На исходе века появляются фабриканты - крестьяне, но их вначале было очень немного.

В связи с ростом промышленности и углублением дифференциации сельского хозяйства усиливается внутренний и внешний товарооборот. В середине XVIII века обороты внутренней торговли сотавляли 22 миллиона рублей***). Весьма заметно растет и внешняя торговля. Вот некоторые показатели этого. В 1701 году в Россию прибыло 103 иноземных судна, а в 1725 году — 926 кораблей****). Рост внешне-торговых оборотов виден из следующей таблицы:

годы	вывоз	общий оборот	в миллионах золотых рублей.
1742 - 45	3,9	5,0	8,9
1776 - 80	8,2	12,8	21,0
1796	41,9	67,7	109,6
1800	46,5	61,5	108,0 *****)

За полстолетия ввоз и вывоз выросли в 12 раз каждый в отдельности. Внутренняя торговля находилась в руках скупщиков, но в торговом обороте интенсивно уча-

***) П. Н. Милюков. — Очерки по истории русской культуры. Ч. I. стр. 24-27.

****) Там же.

*) Н. Рожков. — Русская история в сравнительно - историческом освещении. Т. 5. П. М. 1922 г , стр. 154.

**) Проф. В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России XIX - XX вв. М. 1923 г., стр. 28.

***) Там же, стр. 25.

*) М. Туган-Барановский. — Русская фабрика в прошлом и настоящем. Том I. П. 1907 г., стр. 45. Другие исследователи (Семенов) приводят меньшие цифры.

**) Там же. Н. А. Рожков почему то для этого же года определяет стоимость фабрично-заводской продукции в сумме 5.548 тыс. руб. (Русская история в сравнительно историческом освещении. Том 7. П. М. 1923 г., стр. 35).

***) В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России XIX-XX вв. Ч. I. М. 1923 г. стр. 19.

****) Н. Рожков. — Русская история. Том 5, стр. 144.

*****) В. И. Покровский. — Сборник статистических сведений по внешней торговле России. Том I., стр.XXVI-XXIX.

ствовали и прочие слои населения, в том числе крестьяне и дворяне. Внешнюю торговлю вело крупное купечество и дворянство.

Общий экономический прогресс страны способствовал развитию городов. Они росли довольно быстро, городское население увеличивалось и абсолютно, и относительно. В 1724 году на 13 мил. всего населения в России приходилось только 328.000 городских жителей, в 1796 году при 36 мил. населения в городах жило 1.301.000 человек *), что дает увеличение в четыре раза. В процентах ко всему населению городское население в 1724 г. — 3,0%, в 1796 г. — 4,1%.

XVIII-ый век внес много нового и в перегруппировку общественных классов. Значение старой поземельной аристократии — князей и бояр, этих постоянных соперников царского самодержавия в допетровской России, — было окончательно сломлено в первые же десятилетия петровского царствования. В качестве господствующего класса на общественной арене появляется бывшее служилое сословие — дворянство, которое вскоре накладывает свой отпечаток на все дальнейшее развитие России. Правда, вначале оно поплатилось за свои права и привилегии полным закрепощением себя государству. Но вскоре, после смерти Петра I-го оно при помощи гвардии — опоры классового господства дворянства — добилось отмены всех законов и распоряжений, стесняющих дворянскую вольность. При Петре I-м дворянин обязан был служить на государственной службе — по гражданскому или военному ведомству, — начиная ее с самых низших ступеней. Эта обязанность была тягостна и неприятна. И поэтому, при первом же случае, дворянство попыталось сбросить эту повинность. Этот случай представился в тот момент, когда при преемниках Петра I высшие чиновно - аристократичские круги сделали попытку ограничить самодержавную власть императоров и императриц аристократически-олигархическими учреждениями, защищавшим интересы чиновно-аристократической знати. Дворянство, боясь потерять свое положение в государстве, солидаризировалось с государем, но потребовало себе ряд льгот. Столкновение интересов различных правящих группировок с интересами государя, привело с 1725 года к очень быстрой смене лиц на российском престоле. «Время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать, — говорит В. О. Ключевский, — эпохой дворцовых переворотов... Ни одна почти смена на русском престоле в означенный промежуток времени не обошлась без участия гвардии» **) «С ее участием в 37 лет при дворе произошло пять-шесть переворотов» ***). Каждый переворот, всякое возведение на престол нового лица сопровождалось расширением материального и политического веса дворянства в целом. В конце концов, последняя императрица, возведенная в XVIII веке на престол при помощи гвардии, — Екатерина II, по почти единодушному признанию историков, превратилась в более или менее послушное орудие дворянства. Превращение дворянства в господствующее сословие, имеющее права, но не имеющее обязанностей, закончилось опубликованием в 1785 году «Жалованной грамоты дворянству». В основе ее лежали следующие принципы: 1) неотъемлемость дворянского звания без наличия тяжких преступлений, 2) свобода от телесного наказания и личных податей, 3) закрепление за дворянством служебных привилегий и 4) предоставление дворянству права самоуправления.

*) П. Н. Милюков. — Очерки по истории русской культуры. Ч. I, стр. 82.

**) В. О. Ключевский. — Курс русской истории. Ч. IV. П. 1918 г., 330-331.

***) Там же, стр. 340.

Материальным базисом дворянства служило землевладение с крепостным правом. В смысле обеспеченности дворянство и тогда не представляло из себя сколько нибудь однородного класса — экономическая дифференциация и в XVIII веке зашла уже слишком далеко. Н. А. Рожков считает, что типичным средним помещиком в середине столетия можно назвать А. Болотова, получавшего в год только 480 руб. дохода*). В то же время встречаются и такие помещики, которые владеют десятками тысяч крестьян. Так, в Великороссии братья Орловы имели 27 тысяч крепостных, граф Разумовский — около 45 тысяч**), графъ П. Б. Шереметьевъ имел 146 тыс. душ крепостных, из которых около 45 тыс. были расположены в Великороссии. Доходы таких магнатов по самым скромным подсчетам должны были измеряться сотнями тысяч рублей в год. Такие разительные контрасты, порождая противоречия в пределах дворянства, как класса, не могли, однако, особенно сильно влиять на судьбы дворянства, какъ сословия, поскольку принадлежность к этому соловию давала определенные привилегии и потому покрывала собою все разногласия и раздоры на почве экономических интересов.

Что касается численности дворянства в XVIII веке, то по этому поводу имеются очень приблизительные данные. Так, Фоккеродт для 40-х годов дает следующие цифры: потомственных дворян обоего пола около 500.000 лиц, и чиновников, и личных дворян около 200.000 человек обоего пола***). Всего дворян, следовательно, было от 600 до 700 тысяч человек.

Духовенство являлось вторым привиллегированным — неподатным сословием. Однако, благодаря упразднению патриаршества и передаче дел, связанных с религиозным культом, в ведение государственного органа — Синода, роль духовенства в разсматриваемый период сильно упала. В первой половине века духовенство еще представляло из себя заметную силу, благодаря большому количеству средств и земель, имевшихся в его распоряжении. Тогда были нередки случаи, что отдельные монастыри владели тысячами крестьян. В некоторых случаях ко-

*) Н. Рожков. — Русская история. Т. 7. П. М. 1923 г., стр. 47.

**) В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России. Ч. I. М. 1923 г., стр. 35.

***) В. О. Ключевский. — Курс русской истории. Ч. IV. П. 1918 г., стр. 428.

личество монастырских крепостных доходило до 20 тысяч душ*) Но секуляризация церковных владений, произведенная по акту 1764 года, подорвала материальную базу духовенства. С тех пор оно стало своеобразным чиновничеством, состоящим на жаловании у государства и всецело зависящим от правительства. По показаниям уже упоминавшегося Фоккеродта в его время в России насчитывалось черного и белого духовенства с семьями последнего до 300.000 человек**).

Промежуточный слой между привилегированными сословиями и крестьянством составляло население, жившее в городах. Оно состояло из разнообразных экономических категорий. Жалованная грамота городамъ, изданная Екатериной II в 1785 г. одновременно с жалованной грамотой дворянству, различала в городском населении такие категории: 1) купцы, 2) ремесленники, 3) посадские (старожилы) 4) домовладельцы, 5) именитые граждане (тогдашняя интеллигенция и крупная буржуазия), 6) иностранные купцы и мастера. Вся эта разнообразная масса получала по этой же грамоте ограниченные права самоуправления. О численной эволюции отдельных разрядов городских обывателей на протяжении века за отсутствием данных говорить трудно. В отношении купечества — наиболее интересной с экономической точки зрения группы — известно, что в 1724 году в России было 112.385 человек купцов. 3). В их среде было уже много людей с солидными капиталами. Состояние некоторых одиночек в переводе на довоенное исчисление доходило до миллиона рублей. Несмотря на значительный удельный вес городского населения в народном хозяйстве страны, его политическое значение было ничтожно за исключением той части домовладельцев, которые в сословном отношении принадлежали к дворянству.

Совершенно политически бесправной массой было крестьянство, составлявшее свыше 90 % населения России. Сложившиеся ранее различные формы крепостной неволи и зависимости крестьянства от помещиков были подвергнуты при Петре 1 частичной унификации. В результате «во всех сферах юридических отношений в личных, имущественных, корпоративных правах наблюдается в первой половине XVIII века ясно выраженные тенденции к уничтожению остатков свободы, к развитию крепостной неволи» 1). В это же время были ограничены права крестьян в области имущественных отношений, так как крестьянину было запрещено брать кабацкие и таможенные сборы на откуп, а наряду с этим помещик был сделан ответственным лицом за своевременную уплату податей его крепостными. По существу, уже при Петре 1 было установлено деление крестьян на две большие группы — крепостных, или частно - помещичьих, и государственных крестьян. В 1724 году по данным ревизии числилось крепостных людей — 4.364.653 души мужского пола, государственных крестьян — 1.036.389 душ 2), что дает около 9 милн. душ обего пола крепостных и свыше двух милн. государственных крестьян обоего пола. При последующих правительствах положение крестьянства все более и более ухудшалось. Особенно тяжело оказалось положение частно - помещичьих крестьян, в распоряжении которыми помещик получил полную волю. В течение XVIII века правительство исподволь, но неуклонно подготовляло лишение крепостных крестьян личных и имущественных прав. На протяжении каких-либо 50-60 лет после смерти Петра 1 помещик в своем поместьи превратился в отношении своих крестьян в полновластного государя 3) Помещик не мог только казнить своего крепостного, в остальном же мог делать с крестьянами все, что угодно — продать, отдать в солдаты, отправить на поселение в Сибирь, подвергнуть аресту и телесному наказанию и проч. Нередки были случаи и умерщвления крестьян помещиками, хотя по закону это должно было преследоваться. Наличие такого закона не помешало, однако, некоей Салтычихе засечь до 200 человек. Крестьяне не имели совершенно никакой легальной возможности бороться с произволом помещика, ибо у них для этого была отнята самая простая возможность — приносить жалобы власти. Положение казенных крестьян было несколько лучше и в правовом, и в хозяйственном отношении. Еще более сносным было полжение свободных землепашцев, живших на севере и северо-востоке, и однодворцев - потомков бывших низших служилых людей. Но и казенные крестьяне, свободные землепашцы, и однодворцы в общем были все же бесправными пасынками общества того времени.

Усиление крепостной неволи законодательными актами повело за собой усиление и экономической эксплоатации крепостных помещиками. Об этом можно судить на основании того, что барщинные работы во многих имениях увеличились с 3-х до 5 и даже до 6 дней в неделю, душевой надел сократился, а оброк, составлявший в начале столетия от 40 коп. до 1 руб. с ревизской (мужской) души, к концу века дошел до 5 руб., тогда как вздорожание жизни было значительно меньше 1).

Вместе с тем шло расширение крепостного права на все большее и большее количество крестьян путем раздачи помещикам государственых крестьян и закрепощения южных крестьян, ранее свободных.« За сто лет от

---

*) В. И. Пичета. — История народного хозяйства в России, XIX - XX вв. М. 1923 г., стр. 35.

**) В. О. Ключевский, — Курс русской истории, Ч. IV. П. 1918 г., стр. 428.

3). Н. Рожковъ. Русская история. Т. 5. П. М. 1922 г, стр. 146.

1- Н. Рожков. — Русская история. Том 5. П. М. 1922 г, стр. 180.

2) В. О. Ключевский. — Курс русской истории. Ч. 4. П. 1918 г. стр. 180.

3) См. об этом красочно написанные картины в работе М. С. Александрова (М. Ольминского) — Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М. П. 1919 г.

1) Н. П. Огановский. — Наделение землею помещичьихъ крестьян. М. 1913 г., стр. 21 и 22.

царствования Петра I-го до царствования Александра I-го было пожаловано дворянам более двух миллионов крестьянских душ обоего пола вместе с землями, которые они обрабатывали... Путем таких императорских подарков перешло в собственность дворян от 12-ти до 20 мил. десятин земли, населенной крестьянами». 2).

Ответом на усилившийся крепостной гнет со стороны крестьянства в первые десятилетия века были частые и широкие побеги в незаселенные места, а когда, с расширением границ государства, побеги стали все труднее и труднее, крестьянство обратилось к единственному средству, имевшемуся в его распоряжении, — к восстаниям. В 1762-69 г. г. было около 40 восстаний и волнений, в 1773-75 г. г. широкой волной разлилось восстание Е. Пугачева, за 1776-1796 годы зарегистрировано 20 волнений, а в 1796 и 1797 годах число волнений возрасло до 278.

К концу XVIII века мужское население России распределялось, согласно данным 4-ой ревизии, произведенной в 1783 г., таким образом (без вновь присоединенных территорий 1).

частных помещичьих крестьян	6.678.239
казенных крестьян	4.674.603
однодворцев и вольных людей	773.656
мещан	293.743
купцов	107.408
дворян, духовенства, чиновников	310.880
Всего	12.838.529

Таким обарозм, 94,5 % населения состояло из крестьян, из которых 55 % было закабалено во владении помещиков; привилегированные слои — дворянство, духовенство и чиновничество — составляли 2, 4 % населения, а городские жители — купцы и мещане — 3,1 %

**
*

В культурном отношении XVIII век в России протекал под знаком приобщения к достижениям западно-европейской культуры. В восприятии западного духа участвовали только верхи тогдашнего общества, а именно, дворянство и горожане. Политически и экономически угнетенное крестьянство, конечно, не могло приобщиться к западной культуре по вполне понятным причинам. Но и в привилегированной среде многие слои оказались вне воздействия новых веяний. Первые 30-40 лет были периодом внешнего и, можно сказать, чисто школьного, ученического восприятия иноземных учений. С середины же столетия делаются все более удачные попытки самостоятельного творчества на основе того идейного и умственного багажа, который былъ почерпнут из ознакомления с завоеваниями передовой западно-европейской мысли. В царствование Петра I-го влияние западного духа сказалось прежде всего в интерсе, который начал проявляться русским обществом к светской науке и литературе До18 века и даже в продолжение первых десяти лет XVIII столетия, духовная литература решительно преобладала над светской. С 1705 же года проявляется уже небольшой перевес второй перед первой. Этот процесс в царствование Петра I-го шел таким образом: в первое десятилетие XVIII века в среднем ежегодно издавалось 11 духовных и 7 светских книг, а в 1720 - 1725 годах каждый год в среднем издавалось только 6 духовных книг и 16 светских 1). Позднее, несмотря на падение издательского дела в 1726-1750 гг., наблюдается еще более резкий перевес светской литературы над духовной. Во второй половине века издательское дело развивается очень быстрым темпом. Свидетельством этого могут быть следующие данные о выпуске книг в среднем за год 2):

Годы	Колич. книг
1761 - 1770	105
1771 - 1780	147
1781 - 1790	269
1791 - 1800	266

Уже один тот факт, что за последнее десятилетие издавалось книг в 15 раз больше, чем в первое десятилетие века, говорит о сравнительно быстром культурном росте русского общества. При этом характерно, что к концу анализируемого столетия количество переводных изданий все время относительно уменьшается, а число изданий русских авторов растет. Одновременно же происходит процесс постепенного вытеснения технической литературы литературой изящной и по общественным вопросам.

Не останавливаясь подробно на изучении иностранных влияний, наиболее сильно отразившихся в русской литературе, укажем лишь на то, что многие из русских писателей, затрагивающих социальные темы, находились под влиянием идей французских мыслителей. Г. В. Плеханов говорит о русской общественной мысли XVIII века, что «французскому влиянию она обязана гораздо больше, нежели влиянию всей остальной Европы. Впрочем, вся остальная Европа тоже находилась тогда под сильнейшим влиянием Франции»***). Учения Руссо, Монтескье, Вольтера, Дидро и других энциклопедистов нашли свое отражение в произведениях русского творчества. Чтобы показать, как велико было влияние отдельных мыслителей, можно привести пример с Монтескье. Его идеи сказались в работах князя Щербатова, князя А. Кантемира, Екатерины II, Новикова, А. Н. Радищева и др. Даже мало заметные и теперь почти позабытые французские авторы нередко заражали своими мыслями крупнейших представителей русской общественной мысли. Так, например, на Радищва повлияли такие второстепенные и даже третьестепенные французск. писатели, как Рейналь и Мерсье*).

---

2) Н. Г. Архангельский. — Очерки по истории земельного строя в России. Казань 1921 г., стр. 62.

1) А. Корнилов. — Курс истории России XIX в. Ч. I. М. 1918 г., стр. 19.

1) П. Пекарский. — Наука и литература при Петре Великом. Том II. П. 1862 г.

2) Вычислено по В. Сиповскому. — Очерки из истории русского романа. Том I. Вып. II. П. 1910 г.

***) Г. В. Плеханов. — История русской общественной мысли. Том 3. П. 1918 г., стр. 97.

*) А. Богумилов. — Начальный период народничества в русской художественной литературе. Киев 1907 г., стр. 68.

Наряду с французскими заметно, особенно к концу века, влияние английских и немецких писателей, но их роль в развитии нашей общественной мысли никогда неимела подавляющего значения.

Знакомство с просветительной литературой и общественой жизнью Запада вынуждало выработать то или иное отношение и к идеям, проповедуемым ею, и к социальному строю, царившему в России. В начале века «в умственном и нравственном развитии дворянство, — пишет В. О. Ключевский, — не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставло от нее в несочувствии к еретическому Западу»**). С течением времени положение во многом изменилось. Только захудалое провинциальное дворянство оставалось по прежнему далеким от интереса к новым веяниям. Все же столичное дворянство и дворянство возглавлявшее провинциальный государственный аппарат, сталкивалось с ними и неизбежно должно было выявить свое отношение к ним. В равной мере интерес к новым идеям сказлся к концу века и в гуще городского населения. Этому много способствовало распространение в его среде образования. Так, М. Н. Покровский пишет, что купцы в то время были сплошь грамотны, а Новиков об'яснял успех своих журналов, в частности «Живописца», тем, что он пришелся по вкусу мещанам, т. е. городским жителям. В привилегированной среде создалось троякое отношение к западному влиянию. Одни, как И. Н. Болтин, отнеслись к западным идеям подозрительно и скептически*). Другие, как князь Щербатов и А. Н. Радищев, критически воспринимали и перерабатывали то, что давала заграничная мысль**). Третьи рабски воспринимали ее со всеми недостатками и нередко доводили до абсурда. Во всяком случае, несомненно, что у некоторых представителей двух последних групп, под руководством западно - европейской литературы, обнаружилось широкое распространение атеизма***), сочувствие революционным французским идеям и попытка разрешить социальный вопрос или, по крайней мере, изжить наиболее жгучие недостатки тогдашнего политического строя. Увлечение революционными идеями у некоторых было, повидимому, довольно сильно. Есть сведения, что в штурме Бастилии участвовали и русские аристократы, находившиеся в то время в Париже; в Москве в 80-х годах были сторонники республиканского образа правления; кадеты, вероятно, по молодости и неопытности увлекались марсельезой****), а взятие Бастилии вызвало радость во всех кругах населения*). Таких примеров можно привести достаточно много. В. В. Сиповский, исходя из детального изучения тогдашней литературы, утверждает, что «русское общество, несомненно, сильно было затронуто политческим мечтами времени»**) и что «философские и политические идеи века в тогдашнем русском обществе были распространены шире и глубже, чем это вообще принято думать»***). Распространению этих идей сильно содействовала обнаружившаяся страсть к чтению****).

Что касается попыток самостоятельной критики существующего строя, то они были далеко не революционными. Внимание даже таких передовых людей своего века, как Радищев и Новиков, сосредотачивалось на борьбе с пережитками старины в нравах и обиходе населения, с произволом крепостного права и изредка в несколько туманной критике самодержавия. В относительной узости критики сказывалось и наличие цензурных стеснений и целый ряд других условий социального порядка, о которых будет сказано ниже.

И. Хархардин.

Продолжение следует.

**) В. О. Ключевский. — Курс руской истории, Ч. IV. П. 1918 г., стр. 89.

*) Г. В. Плеханов. — История русской общественной мысли. Т. 3. П. 1919 г., стр. 249.

**) Там же, стр. 225 и последующие.

***) Ф. Терновский. Русское вольнодумство при Екатерине II-ой и эпоха реакции (Труды Киевской Духовной Академии. Киев. 1868 г. Книга 3., стр. 444 и след.) приводит много примеров распространения атеизма.

****) В. В. Сиповский. — Политические настроения в русском романе XVIII-го в. П. 1905 г., стр. 2 и 3.

*) В. И. Семевский. — Политические и общественные идеи декабристов. П. 1909 г., стр. 21.

**) В. В. Сиповский. — Очерки по истории Русского романа. Т. I, вып. I. П. 1910 г., стр. 114.

***) Там же, том I, вып. II-ой, стр. 903.

****) Там же, том I, вып. I, стр. 3-13.

Тираны и мученики

В Защиту Симона Радовицкого.

Не новость говорить о тиранах, но и не новость говорить о мучениках. Мы знаем, что история человечества богата и тиранами и мучениками.

Знакомясь с мировой историей прошлых веков, мы находим, что в борьбе за свободу, в борьбе за лучшие жизненные условия было пролито много крови — безчисленные жертвы всегда падали на алтарь свободы, — и кто знает, кто может предсказать, что в будущем, когда найдутся люди, пожелающие более счастливой жизни, не будет проливаться кровь во имя нового освобождения! Мы знаем, что развитие человечества идет по такому пути — льются без конца реки крови.

Знакомясь с мировой историей, мы находим героев, отважность которых состояла в том, что они вызывали в народах братоубийственные войны, — и кто калечил больше людей, тот считался героем. Железной рукой властвовали такие герои, — им то долгое время были подвластны многие народы. Такие герои совершали ужасные преступления. Они насильно заставляли своих подданных строить дворцы и пирамиды, а самих страдать, нередко умирая с голода, — и если находился человек, пожелавший указать им путь к освобождению, то они преступным образом распинали его.

Знакомясь далее с мировой историей, мы находим героев, отважность которых состояла не в ведении войн

среди народов и не в порабощении последних, а в борьбе за высший жизненный устой, в борьбе народов за свободу, равенство и братство. И такие герои известны в истории человечества, как мученики — мученики человечества, ибо они погибли под беспощадным мечем богачей и тиранов.

Мы знаем, что 2500 лет тому назад жил незабываемый Сократ — человек, который стремился к правде. Он был опасен для представителей закона, и в один прекрасный день его отравили....

Мы знаем, что 2000 лет тому назад жил незабываемый Христос — человек, который любил человечество; человек, который стремился об'единить все народы в одну коммуну. Такой человек был подозрителен для представителей закона, и они его во имя бога мучили и распяли. И еще много, много других правдивых людей было принесено в жертву мертвым буквам закона.

А теперь, в 20-м веке, когда человечество достигло высокой степени культуры и прогресса, когда техника прогрессирует на каждом шагу и человечество все более и более освобождается от повседневной тяжелой работы, — разве теперь нет больше мучеников? Не прогрессирует ли также и мученичество? Не совершают ли современные властители кровавой резни над своими подданными только за то, что они добиваются лучшей жизни?

Лишь на одном поприще — на поприще пролития крови — нет еще прогресса: кровь льется без конца.

Знакомясь с историей цивилизованных народов, мы встречаемся с грандиозной борьбой капитала с трудом — с сильными преследованиями рабочих, заточенных в тюрьмах только за то, что они — апостолы свободы — добивались лучшей жизни. Мы видим, как в 1871 г., когда Парижский народ поднял борьбу за свободу, равенство и братство, представители капитала преступным образом умертвили тридцать тысяч героев свободы. Мы видим, как в 1887 г. пять невинных анархистов в Чикаго были преступным образом повешены — только за то, что они об'явили себя защитниками свободы. Мы видим, как в 1921 г. в России, после революции, уничтожившей последнего царя-тирана, было убито властью новых тиранов-большевиков 18.000 рабочих в Кронштадте только за то, что они добивались действительной свободы и не хотели иметь над собой власти новых тиранов. Мы видим далее, как в 1927 г. в Сев. Америке были преступным образом убиты защитниками закона и власти двое невинных рабочих — Сакко и Ванцетти — только за то, что они были анархисты. И мы знаем, что каждый шаг вперед сопровождался кровью, и кто знает, когда наступит конец вечной борьбе?...

Я не хочу останавливаться на всех кровопролитных бойнях, совершенных по всему миру в цивилизованные времена. Я хочу указать только на одну резню, совершенную капиталистами 1-го мая 1909 г. В Буэнос-Айресе, в так называемой цивилизованной Америке. В этой резне, устроенной аргентинским тираном Фалконом, погибло около тысячи рабочих, и за убийство этого тирана томится в тюрьме, в страшной тюрьме Аргентинской Сибири — в Усуаие — один мученик-рабочий вот уже 19 лет.

В девятнадцатом веке в Аргентине выросло сильное революционное движение, охватившее широкие слои народа. Синдикаты и разные культурные институции распространились по всей стране. Еще в 1894 г. была основана ежедневная анархическая газета «Ла Протеста», являющаяся органом Анархической Федерации Аргентины (Ф.А.Р.А.) и выходящая в свет и по сей день. Вот уже 34 года, как в Аргентине выходит ежедневная анархическая газета, издающаяся на средства рабочих и ставящая одной из своих задач борьбу против капиталистического строя и за устройство справедливого общества на началах свободы, равенства и братства. Не один раз тираны совершали набеги на контору и редакцию газеты и не один раз представители закона и власти хотели ее разрушить. Но они не посмели... Газете «Ла Протеста» приходилось вести против своих врагов ожесточенную борьбу, но она высоко держала знамя свободы и будет его держать высоко и достойно до тех пор, пока она добьется свободы. Распространение анархической литературы на разных языках является одной из лучших работ «Ла Протеста». Эта литература, как своего рода бальзам на распространенные язвы капиталистического общества, посеяла повсюду семена нового учения — учения о свободной и счастливой человеческой жизни.

В 1895 г. наш славный Малатеста своими выступлениями на рабочих собраниях развил нравственную сторону анархизма. Вслед за ним явился анархист Педро Гори, вызвавший своими речами большое оживление среди аргентинцев. Народ Аргентины понемногу впитал в себя дух анархизма, который не может быть уничтожен тиранами. Последние могут противодействовать рабочим в их повседневной борьбе; они могут сеять раздоры среди рабочих, вызывая среди них братоубийственную борьбу, но революционного рабочего движения они не могут уничтожить!

В девятнадцатом веке капиталисты не противодействовали сильно развитию рабочего движения. Свою борьбу против последнего они усилили вскоре после недавней мировой войны, когда оказалось, что марксизм (социал-демократизм), как наследие капитализма, приходит последнему на подмогу.... И не преследуя марксизм, капиталисты усилили свои гонения на анархизм.

1-го мая 1909 г. известный тиран Фалкон (в то время полицеймейстер Буэнос-Айреса) организовал беспощадную резню рабочих. Это случилось во время грандиозной демонстрации Анархической Федерации Аргентины, в которой участвовало сорок тысяч человек. Рабочие спокойно шествовали по красивой улице Буэнос-Айреса — Де-Мазжо. Красные знамена с революционными надписями высоко реяли над головами собравшихся демонстрантов, гордо распевавших рабочие и революционные песни. В такой момент тирану Фалкону сильно захотелось «выразить свои верноподданические чувства» капиталистам. В момент красивая улица Де-Мазжо оросилась невинной рабочей кровью — кровью сотен мужчин, женщин и детей.

Это событие взволновало всю страну. Рабочими созывались грандиозные митинги протеста; была об'явлена по всей стране и однодневная всеобщая стачка, — но все это не могло успокоить аргентинских рабочих. И

вот явился рабочий Симон Радовицкий, совершивший свой знаменитый акт мести: 19-го ноября 1909 г. он убил кровожадного тирана Фалкона.

Защитники капитала и закона схватили Радовицкого и заключили его в тюрьму на бессрочное время, тогда как рабочие требовали освобождения узника. Но какое значение имеют требования рабочих для их врагов — капиталистов и властителей? Разве они не прямые защитники кровожадного тирана Фалкона? И если последний «действовал» во имя капиталистов и их защитников, то Симон Радовицкий своим террористическим актом безбоязненно отомстил за безчисленные жертвы невинно погибших рабочих.

Защитники закона осудили Радовицкого на бессрочное тюремное заключение. Закон не позволил им присудить Радовицкого к смерти, ибо он был еще очень молод*). Враги его, поэтому, ухитрились и осудили его на бессрочную каторгу в расчете, что долгое тюремное заключение убьет его жизнь... И вот уже 19 лет, как Радовицкий томится в Аргентинской Сибири — в Усуапе, надеясь выйти на свободу.

Симон Радовицкий — сын народа, которому он отдал свои силы и свободу. Давно пора, чтобы народ узнал всю правду о кровавой резне рабочих в 1909 г., устроенной тираном Фалконом. И давно уже пора, чтобы народ громко поднял свой голос за освобождение мученика Радовицкого и всех других мучеников, томящихся в тюрьмах современного капиталистического строя.

И. Дейч.

(С еврейского Л. Л.).

---

*) Радовицкому было 18 лет, когда он убил Фалкона *(Примеч. пер.)*.

К ПОЛОЖЕНИЮ АНАРХИСТОВ В МУЗЕЕ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА

Предисловие

Помещенное в № 39-40 Дела Труда заявление наших московских товарищей об уходе анархистов из музея имени П. А. Кропоткина и о причинах этого ухода представило положение дел в музее в крайне общем виде. Теперь те же наши московские товарищи прислали документы, освещающие положение дел в музее более подробно, при том в порядке совершившихся фактов. Документы эти составлялись, как видно, не для печати. Но в том и заключается их особая ценность, что они в протокольном порядке фиксируют ход дела в музее. Они полностью печатаются здесь, дабы широкая анархическая среда могла видеть происшедшие в музее события в их истинном виде. В целях об'ективности и для уяснения всего происшедшего в музее, мы печатаем также «Публичное Заявление» А. Атабекьяна и др. (документ 2-ой), сделанное еще в 1925 г. по поводу особого инцидента в музее.

Приводимые в документах данные с неопровержимостью устанавливают, что все наши московские товарищи *вынуждены* были уйти из музея благодаря провокационным приемам мистиков и пособничеству им некоторых членов Исполнительного Бюро Комитета. То обстоятельство, что после ухода из музея первой анархической секции, товарищ А. Боровой вошел в музей в качестве Товарища Председателя Комитета и в *течении трех лет* безуспешно пытался завоевать в музее место для анархизма, показывает, сколь наши товарищи далеки были от желания создавать в музее какие бы то ни было споры. Им, в частности т-щу А. Боровому пришлось вынести резкий упрек за обратное, — за то, что он остался в музее после событпя 1925 г. и пытался вести в нем анархическую работу. (См. об этом в «Публичном Заявлении» Атабекьяна, Хархардина и др., печатаемом здесь). И если, несмотря на все свое доброжелательство и заботы об анархизме в музее, наши товарищи все же, в конце концов, вышли из музея, то это может служить показателем невозможности для них, как для анархистов, быть и работать в настоящий момент в музее имени П. А. Кропоткина. Своими заявлениями, печатаемыми ниже, московские товарищи это документально доказывают.

Одновременно с этим мы здесь же печатаем выписку из Протокола Комитета за подписью С. Г. Кропоткиной и Н. Лебедева, в которой инцидентам в музее дается другое освещение (см. документ 1-ый). Товарищи, интересующиеся делами и судьбою музея, сравнят документы одной и другой стороны и сделают свои выводы.

Возникает вопрос, — как быть дальше? Анархисты, наиболее известные и наиболее уважаемые по участию в анархическом движении, вынуждены были уйти из музея. В музее воцаряется чуждый и враждебный анархизму элемент.

И не в одних мистиках, нам кажется, здесь дело. Мистики ведут в музее свою глубоко реакционную линию. Но люди, подобные Шебалину, Пальчинскому и т. д., несомненно ведут «свою линию», ибо людей без политических линий, особенно в общественных учреждениях, не бывает. Не трудно видеть, *какую* линию могут вести в музее господа Пальчинские, Шебалины, особенно, когда они чувствуют себя на первых местах. Таким образом, борясь за очищение музея от засилья мистиков, не следует забывать засилья в нем буржуазных «ученых». Ибо лишь засилье одних и других вместе сделало невозможным пребывание анархистов в музее.

Положение анархистов в музее навсегда останется таким, как оно есть, если самим музеем будут руководить люди, идеологически чуждые анархизму. Больше того, — если настоящее положение дел не будет радикально изменено, то черезъ пять, десять лет музей может оказаться в руках самого темнаго мракобесия. Чтобы этого не случилось, анархисты теперь же должны принять определенные меры. Кропоткинский дух в му-

зее может сохраниться и существовать лишь в том случае, если музеем будет руководить постоянная анархическая организация, которая будет иметь преемников своего дела в лице такой же, как и она сама, идейной анархической организации. Это дело должно быть осуществлено во что бы то ни стало. И на встречу этому делу обязаны пойти все, для кого анархизм не является враждебной идеологией, все, кому дорого имя Кропоткина, как анархиста - революционера и борца за угнетенное человечество.

Русские анархисты, десятилетие служившие русской социальной революции и в ней выросшие, более кого либо другого призваны стоять на страже всякого анархического дела в России, в том числе и музея имени П. А. Кропоткина. Оспаривать это мнение могут лишь те, кто определенно не уважает русских анархистов, кто не ценит того, что они в невероятно трудных условиях современности, не сгибаясь, держат анархическое знамя, защищают идею анархизма от яростных нападок и злостных искажений ее со стороны разного рода ренегатов — анархо - мистиков, анархо- большевиков и других врагов анархизма.

Заграничная Организация Русских Анархистов - коммунистов Дело Труда.

6-го января 1929 г.

I.

После напечатания в № 39-40 «Дела Труда» заявления 18 московских товарищей относительно музея имени П. А. Кропоткина, я в качестве парижского члена-корреспондента Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, обратилась в этот Комитет с запросом по поводу происшедших инцидентов. В ответ мною был получен прилагаемый документ

М. Корн.

***

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО КОМИТЕТА ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА 4 ДЕКАБРЯ 1928 г.

Исполнительное Бюро Всероссийского Общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина,, заслушав на своем заседании 4 декабря запрос нашего Парижского корреспондента по поводу заявления А. Борового и др., напечатанного в анархистском органе «Дело Труда»,

Постановило:

Не входя в полемику с авторами вышеназванного заявления, довести до сведения наших заграничных членов - корреспондентов и всех товарищей, интересующихся делами Кропоткинского Комитета и Музея, следующее:

Утверждение Борового и Ко, что Кропоткинский Музей с 1925 года «стал цитаделью анархо - мистиков» и что «в Доме Кропоткина нет более места ни Кропоткину, ни анархизму», совершенно неверно.

Кропоткинский Музей создан Всероссийским Общественным Комитетом по увековечению памяти П. А. Кропоткина. В этом Комитете, кроме анархической секции, имеются еще секции: научная, литературная и общественно - экономическая, члены которых никоим образом не могут быть причислены к «анархо - мистикам».

Членом анархической секции Кропоткинского Комитета состоит М. П. Сажин, участник Парижской Коммуны и ближайщий сотрудник Бакунина. Кроме того, некоторые анархисты являются членами Кропоткинского Комитета, не входя в анархическую секцию.

Кропоткинский Комитет напоминает еще раз, что «основная цель Комитета — освещение личности и творчества П. А. Кропоткина и увековечение его памяти» (ст. 4 Устава). Признавая «полную свободу мышления», Кропоткинский Комитет не требует от своих членов определенного «символа веры» и ставит только одно условие: чтобы в деле увековечения памяти П. А. Кропоткина деятельность членов и секций Комитета не противоречила бы принципам и идеям Кропоткина. Вследствие этого, секции Комитета автономны в своей области каждая из них ответственна за свою деятельность. Но в то же время Комитет считает, что Музей Кропоткина должен быть Музеем, а не служить ареною политической и межфракционной борьбы.

Лица, подписавшие вместе с Боровым заявление, в организации Музея не принимали абсолютно никакого участия и 13 человек из подписавших не были даже членами Комитета.

В январе 1928 г. Боровой предложил принять в Комитет группу в 13 человек. Бюро приняло их, но, прежде чем прием этой группы был утвержден Общим Собранием, против приема некоторых из лиц, рекомендованных Боровым, раздались протесты некоторых членов Бюро, и в том числе и С. Г. Кропоткиной. Исполнительное Бюро Комитета было вынуждено поставить вопрос о пересмотре приема этих членов. Но Боровой, не дожидаясь разбора этого дела, несмотря на просьбу присутствовать и принимать участие в разборе этих заявлений, прислал в Исполнительное Бюро заявление, что независимо от решения по данному вопросу, он уходит из членов Комитета и что вместе с ним берут обратно и свое заявление о желании быть членами Комитета и 13 рекомендованных им лиц. Вследствие такого категорического заявления Исполнительное Бюро вынуждено было принять это заявление к сведению.

Точно также и Общее Собрание, заслушав заявление Борового и его группы о выходе из Комитета, постановило также принять это заявление к сведению.

Утверждение Борового, что в Музее Кропоткина ведется агитация мистицизма, неверно. Весь Музей посвящен исключительно жизни и творчеству П. А. Кропоткина и выяснению его влияния на международное революционное движение (см. путеводитель по Музею).

Об'яснения в Музее даются секретарем Комитета Н. Лебедевым, никакого отношения к мистицизму не имеющим.

Председательница: С. Г.Кропоткина

Секретарь: Н. Лебедев.

С подлинным верно:

Секретарь Кропоткинского Комитета

Н. Лебедев.

II.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Анархическая секция Кропоткинского Комитета, не входя в детальное изложение фактов, вызвавших склоку в Кропоткинском музее, и оставляя за собой право вернуться к вопросу подробно, в особой брошюре, настоящим выражает свой решительный протест против тех лиц, которые не разделяя политических убеждений Кропоткина, тем не менее нашли для себя возможным безответственно хозяйничать в Кропоткинском музее и даже нагло запрещать заседания Анархической Секции, которая открыто и беспрепятственно со стороны органов государственной власти собиралась еженедельно в течении 3 лет в оборудованной ею при музее — библиотеке - читальне.

Анархическая Секция клеймит позором беспримерный в истории ложный политический донос, сделанный 26 апреля на нее из-за того только, что она пренебрегала запрещением упомянутых безответственных лиц и осуществила свое право собираться в обычном своем помещении.

Анархическая Секция, констатируя, что донос был сделан М. П. Шебалиным, с ведома и согласия «почетной» Председательницы Комитета, вдовы Кропоткина, тем не менее всю моральную ответственность за него возлагает на всех членов Комитета, не анархистов, до сих пор не протестовавших против этого низкого предательства, в частности на В. Н. Фигнер, Н. К. Муравьева, П. А. Пальчинского, Н. К. Лебедева и других «истинных общественников», мнящих себя призванными лучше увековечить память Кропоткина, чем прямые его последователи-рабочие, учащиеся и личные друзья.

Анархическая Секция с глубоким сожалением констатирует, что к этой уродливой разношерстной группировке примкнул также Алексей Алексеевич Боровой, променяв свое идеалистическое анархическое первородство на чечевичную похлебку заместителя председателя гибридного Комитета.

В заключение Анархическая Секция, неустанно вносившая в течении 3 лет свои материальные, умственные и моральные силы в дело увековечения памяти Кропоткина и организации музея его имени, настоящим предлагает противной стороне: или передать разрешение конфликта третейскому суду или же всем анархистам добровольно отстраниться от Кропоткинского Комитета с тем, чтобы все заведомые анархисты без различия идеологических оттенков могли бы сгруппироваться вокруг музея памяти своего учителя и реорганизовать Комитет на новых здоровых началах.

В случае отклонения от обоих этих предложений, Анархическая Секция сохраняет за собой свободу действий в защиту своих прав и примет надлежащие меры, чтобы не допустить никаких публичных выступлений вокруг памяти Кропоткина со стороны лиц, опозоривших себя ложным политическим доносом.

Москва.

10 Мая 1925 года.

Анархическая Секция Кропоткинского Комитета.

Исполняющий обязанности секретаря:

Н. Павлов.

Подписи: А. Атабекьян; И. Атабекьян; А. Атабекьян; Бенсон; Прокофьев; Павлов; А. Павлова; Сандомирский; Медынцев; Хархардин; Андин; Андина; Ал. Андреев; Никандрин и 15 подписей от анархической молодежи.

III.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО КОМИТЕТА им. П. А. КРОПОТКИНА

группы бывших членов Научной Секции

ЗАЯВЛЕНИЕ

В совещании 8-го марта 1928 года, мы, нижеподписавшиеся, пришли к заключению о невозможности для нас оставаться в дальнейшем членами Научной Секции Комитета и уполномочили т. *Борового* внести в этом смысле заявление в ближайшее заседание Исполнит. Бюро, назначенное на 12/III-28 г.

Однако, зная, что наш коллективный уход не может не получить широкой общественной огласки, мы считаем необходимым мотивировать наше решение, дабы устранить возможные здесь недоразумения.

В течение 27 г. т. Боровой неоднократно обращался к многим из нас, убеждая вступить в Комитет имени П. А. Кропоткина.

Он указывал, что: 1) было бы желательным ликвидировать старый инцидент, возникший в связи с известным выходом анархистской секции из Комитета, доселе мешающий планомерной и дружеской анархистской работе, 2) было бы возможно сплотить анархические силы около учреждения, представляющего, несомненно, общественую ценность и вместе являющегося единственным легальным оплотом анархизма, 3) вступление компактной группы товарищей, имеющих крупный практический стаж, будет здоровым противовесом тому квази - анархическому течению, которое под наименованием «мистического анархизма» свило себе прочное гнездо в стенах Комитета с образованием новой анархической секции, 4) прилив свежих анархистских сил значительно облегчит его собственную — т. Борового — работу, наталкивающуюся нередко на непонимание и кривотолки со стороны отдельных членов Комитета.

Наше предубеждение против Комитета в целом и против некоторых его членов было, однако, слишком велико, чтобы аргументы т. Борового могли воздействовать немедленно. Лишь к концу 27 г. отобралась группа, решившая испробовать путь, предлагаемый т. Боровым, и последний внес в Научную Секцию заявление от имени 11 товарищей, выразивших желание стать членами Научной Секции. Трое из них т. т. Бармаш, Мудров и Рогдаев незадолго перед этим были избраны также членами Общественно-Экономической Секции Комитета.

Наше вступление в Научную Секцию мотивировалось следующими соображениями:

а) Никто из вновь вступавших товарищей, разумеется, не мыслил себя «ученым» и не предполагал заниматься «наукой» в тесном смысле этого слова.

От т. Борового мы знали, что: 1) Научная Секция, как таковая, не состоит из высоко - квалифицированных «ученых», что наряду с «учеными» там были и есть просто образованные люди и что работа в Научной Секции не предполагает, поэтому, необходимым от членов ее высокого научного ценза, 2) что мысль комплектовать Научную Секцию из высококвалифицированных спецов была-бы безнадежной утопией и что проектировавшаяся в свое время Вольная Академия — кстати теми же людьми, что заседают и ныне в Исполнит. Бюро Комитета — должна была привлечь к несению педагогической, лекторской, следовательно, научной работе многих из тех товарищей, которые ныне хотели вступить в Научную Секцию, 3) что Научная Секция не только нучной, но и вообще никакой работы не вела, если таковой не считать индивидуальных выступлений отдельных ее членов на публичных вечерах Комитета.

К этим соображениям т. Борового надлежит присоединить и то, что группа вступивших товарищей на первых порах ограничивала свою работу в секции «изучением истории анархического движения», о чем было заявлено в первом же заседании Секции, на котором происходили выборы. Между тем бесспорно, что для такой работы, важной и в научном смысле, означенные товарищи, конечно, являлись максимально подготовленными, благодаря личному опыту, личному участию в ряде крупных событий, связям, собранию материалов и проч.

б) Вступление в Научную Секцию мотивировалось также нашим нежеланием войти в Анархическую Секцию, которая, на первый взгляд, должна была быть нам наиболее близкой.

Здесь был ряд соображений.

Ни для кого из нас не было тайной, что Анархическая Секция, возникшая на месте старой, с первых дней существования стала прибежищем «мистического анархизма». Проповедь его шла настолько решительно и откровенно, что за Кропоткинским Комитетом в широких общественных кругах установилась определенная репутация — цитадели мистиков.

По нашему глубокому убеждению — «мистический анархизм», заимствовавший у анархизма без ковычек лишь антигосударственную фразеологию, находится в неразрешимом противоречии с подлинной природой анархического мироощущения и учением основоположников анархизма. Под маской освобождающейся философии, он широко открывает двери новым формам фетишизма и представляет в этом смысле вредный и опасный уклон в развитии нашего движения. И если Анархическая Секция, как таковая, состоящая в подовляющем большинстве из лиц без анархистского стажа, в анархическом движении ни в какой мере не авторитетных, не имеет сколько либо ярко выраженной физиономии, то идейный вдохновитель ее, ее бесспорный лидер — А. А. Солонович в анархических кругах (не считая «карелинцев» — мистиков) пользуется уже издавна вполне установившейся репутацией.

Его выступления, сводящиеся к диалектическим упражнениям на темы мистической космологии, мистической социологии, мистической философии истории, его отрицание борьбы классов, его утрированное благоговение к Карелину, не пользующемуся вне кругов мистиков никаким авторитетом, его дешевая и безответственная демагогия, плохо маскирующая худосочный либерализм его построений — наряду с его неискренностью, двурушничеством, иезуитской практикой, — отталкивали многих из нас и делали невозможной совместную с ним работу в пределах одной Секции.

Мы полагали, наоборот, что наладив самостоятельную работу в Научной Секции, мы тем самым создадим противовес извращениям анархизма, пустившим корни в доме материалиста и позитивиста П. А. Кропоткина.

Нам нет оснований останавливаться на общеизвестной истории нашего прохождения сперва в Секцию, потом в Комитет.

Никто из нас не мог ждать, что в Бюро возродится гнуснейшая клевета, пущенная в ход когда то против одного из наших наиболее уважаемых и пользующихся общим доверием товарищей. В свое время она была предметом специального товарищеского разбирательства и была последним категоречески отвергнута. Теперь понадобилось, чтобы опорочением одного из товарищей опорочить всю группу, тесно с ним спаянную.

Кому и для чего это было нужно?

Мистикам - анархистам, наиболее старавшимся в этом деле, было важно не пустить в Комитет своих злейших врагов, с приходом которых безграничному хозяйствованию их в Секции рано или поздно должен был наступить конец. Версия, пущенной ими, о якобы готовящемся со стороны пришельцев разгроме Комитета, о их намерении превратить музей в клуб для анархической агитации и пр., и пр., было довольно, чтобы терроризировать безразличных к судьбам анархизма отдельных членов Бюро и заставить их схватиться за любое средство, вплоть до аннулирования выборов, чтобы устранить надвигающуюся угрозу.

К сожалению, именно С. Г. Кропоткиной принадлежала в этом деле определяющая роль. Лебедев, Критская были только ее испуганными подголосками.

Там, где возможно постоянное глумление над самой сущностью Кропоткинского мировоззрения — ибо что, как не глумление, процветание мистической секты под кровом Кропоткинского Музея? — там, где воскрешением грязной, давно схороненной клеветы пользуются, как средством побороть идейного противника — там, конечно, не остается ничего ни от Кропоткина, ни от анархизма.

Просим заявление это огласить на Общем Собрании Комитета.

25-III-28 г.

На *подлинном подписи*: М. Кайданова, В. Котляревского, Н. Рогдаева, З. Гандлевской, А. Андреева, В. Худолея, Ф. Гецци, А. Фомина, Г. Мудрова, В. Бармаша, С. Фалька.

IУ.

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО КОМИТЕТА ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА

Члена Комитета А. А. БОРОВОГО

ЗАЯВЛЕНИЕ

Оставляя Комитет, в котором я работал с лета 25-го года в качестве Товарища Председателя, считаю необходимым изложить мотивы, побудившие меня принять это решение.

Моя активная работа в Комитете началась с момента, когда после известной истории с уходом из Комитета анархической секции, я согласился стать Тов. Председателя Комитета.

Я пошел на это с величайшей неохотой. Я отлично понимал, что по существу приношу себя в жертву, ибо среди членов Комитета оставался единственным анархистом с весомым именем, который мог взять на себя защиту исключительно непопулярного тогда среди анархистов Комитета и отстоять его моральное существование.

Я сделал это: 1) потому, что считал и считаю, что музей имени П. А. Кропоткина имеет самодавлеющую ценность, 2) потому, что я ни в какой мере не солидаризировался с тогдашней анархической секцией, членом которой не был и не хотел быть.

Случилось то, чего следовало ждать. Сейчас же вслед за моим вступлением в должность товарища Председателя Комитета, началась серия открытых выступлений со стороны ушедших товарищей анархистов против отдельных членов Комитета, в которых и мне было уделено немалое внимание. Никто не может отрицать, что мои открытые письма-ответы Атабекяну и Сандомирскому в значительной мере способствовали укреплению престижа Комитета в анархических кругах и помогли вообще наладить его работу.

Правда, в это время существовала уже новая анархическая секция, организованная А. А. Солоновичем, но, по существу, она еще бездействовала, а А. А. Солонович, возглавлявший секцию, как анархист, за исключением кругов «карелинцев», не пользовался устойчивой репутацией. Неавторитетной ни в каком смысле была и организованная им секция.

С первых шагов моей работы в Комитете я понял, что члены Комитета, настаивавшие на моем избрании, не питают хоть сколько-нибудь прочного сочувствия к моей линии поведения. Я был нужен, как анархистское имя, более ничего. Неоднократно по принципиальным вопросам я оставался в меньшинстве. Секретарь Бюро Н. К. Лебедев должен припомнить, что не раз я говорил ему о моем желании оставить мой странный пост, в виду невозможности для меня опираться в Бюро на большинство, солидарное со мною во взглядах. Мне всячески доказывали, что я необходим; я имел слабость уступать и оставался.

Надо, впрочем, оговорить, что специфическая «беспринципность», о которой я говорю, помимо суб'ективных качеств отдельных членов Комитета, имела место, по преимуществу в вопросах, связанных так или иначе с «анархизмом», к которому большинство членов Бюро относилось с естественным безразличием и поэтому допускало в разрешении этих вопросов максимальную амплитуду колебаний.

Наибольшее расхождение с Исполнительным Бюро я имел по вопросу о свободе проповеди в стенах Комитета «мистического анархизма». Общеизвестно, что анархическая секция Комитета состоит исключительно или в подавляющем большинстве из анархистов-мистиков. Этот факт культивирования мистики в стенах дома, посвященного П. А. Кропоткину, категорически изгонявшему из своего и, следовательно, анархического мироощущения все мистическое, является сам по себе уродливым.

Не будучи кропоткинианцем в тесном смысле этого слова, в отношении к мистике и мистическому я всегда разделял и разделяю его воззрения. Я убежден, что здесь никакие компромиссы невозможны; никаким «анархизмом», никакими «свободой», «любовью», «терпимостью» и пр. и пр., нельзя оправдать отрицания основного философского убеждения П. А. в музее, посвященном его имени.

Я лично считаю «мистический анархизм» не только внутренно противоречивым, незащитимым с точки зрения анархического мышления и анархического чувства, но глубоко вредным для практики анархического движения. К этому следует добавить, что мистические анархисты подбираются и об'единяются не столько по признаку анархизма, доселе еще, к сожалению, весьма часто ни к чему не обязывающего (поскольку речь не идет об организации, связанной дисциплиной и ответственностью), но сообщающего носителю приличный ярлычек общественного радикализма, сколько по признаку мистицизма, совершенно неуловимого, если не считаться с личными декларациями самого мистика.

Этот мистический элемент впервые для меня выговорил себя до конца в речи А. А. Солоновича на вечере в память Бакунина, оставившей на меня впечатление невыносимой фальши. Позже, все чаще из кругов, которые я считаю подлинно анархическими, стали доходить до меня возмущенные отзывы, что Кропоткинский Музей — прибежище мистиков. Диспут, происходивший в 1927 г. между мной и А. А. Солоновичем, дал нам возможность высказаться обоим до конца и слушатели из членов Комитета имели возможность убедиться, какая философско-теоретическая пропасть разделяет нас.

Во всяком случае, для меня и анархистов-немистиков было ясно, что «мистический анархизм», если и имеет право на существование вообще, то не имеет такового в стенах Кропоткинского Музея, что пути анархизма и «мистического анархизма» расходятся, что анрхизм должен вести борьбу с «мистическим анархизмом» и т. д.

Поскольку мои полномочия позволяли мне, я воспротивился, поэтому, повторению диспутов на подобные темы, ибо понимал, что независимо от их исхода по существу, они «мистическому анархизму» нужны, как реклама, как способ любыми средствами фиксировать на себе внимание.

Именно после диспута, оставившего у меня впечатление чрезвычайно внутренней слабости «мистического

анархизма», у меня окончательно созрела мысль о необходимости создания группы анархистов, которые могли бы в стенах Кропоткинского Музея выявлять и защищать в противовес мистической секции, анархизм, очищенный от инородных примесей.

Отдельные члены Бюро в частных разговорах со мной высказывали сочувствие этому плану; другие стояли на точке той обывательской терпимости, которая почему-то именуется свободой.

Главные трудности на первых порах я встретил среди самих анархистов, с чрезвычайным предубеждением относившихся к Комитету: лишь после долгих и настойчивых убеждений мне удалось склонить группу товарищей к активной работе в Комитете.

Всем известна дальнейшая история вступления анархистов в Научную Секцию Комитета.

Неожиданно для меня, в первом же заседании Бюро, где я выставил кандидатуру собранных мной товарищей, против одного из них был заявлен отвод — С. Г. Кропоткиной и А. А. Солоновичем.

Софья Григорьевна ссылалась на неблагоприятное, якобы, мнение Петра Алексеевича об этом товарище; А. А. Солонович — на относительно мало авторитетный источник —мнение Карелина. Неожиданно воскресла гнусная сплетня, пущенная много лет назад. Для меня ничего не оставалось, как поставить вопрос ультимативно: или побудить С. Г. Кропоткину взять отвод обратно, или принять мое заявление о выбытии моем из Комитета. На этот раз мне уступили; к сожалению, я не предвидел тогда, что мне придется еще раз столкнуться с теми же выпадами по адресу того же товарища, пользующегося в рядах старых действенных анархистов общим доверием.

Выборы 11 товарищей в члены Научной Секции прошли без каких-либо возражений со стороны присутствовавших членов Комитета, так же как и постановление Секции о представлении их кандидатуры в члены Комитета. Но уже в ближайшем заседании Бюро против вышеуказанного товарища вновь был заявлен отвод — Григорием Ивановичем Аносовым. После моих об'яснений с ним, Г. И. отказался от отвода, заявив, что он воздержится от голосования списка в целом. Инцидент этим был исчерпан. Научная Секция приступила к намеченной ею работе. Последнее заседание, в котором были заслушаны 2 доклада тт. Рогдаева и Франческо о Малатесте, произвело на всех присутствующих превосходное впечатление. Решено было прения по докладам перенести на следующее заседание. Последнему, однако, не было суждено состояться в стенах Кропоткинского Музея.

На ближайшем заседании Бюро, происходившем под моим председательством, секретарь Бюро Н. К. Лебедев пред'явил мне для оглашения письмо Н. И. Проферансова, с которым в течение многих лет я был связан самыми лучшими, подлинно товарищескими отношениями. В этом письме, инсинуируя по моему адресу, о якобы недопустимом давлении, оказанном мной на С. Г. Кропоткину, забывая о собственном присутствии на заседании, в котором баллотировались члены Научной Секции, Н. И. Проферансов требовал небывалого в нашей практике — аннулирования выборов.

Это письмо было последней каплей, переполнившей долгую чашу моего терпения. Какие бы чувства ни диктовали Н. И. Преферансову его письмо, казалось, при минимуме доброжелательства он мог до устройства очередного бума обратиться непосредственно ко мне, чтобы совместно обсудить положение. Не менее вопиющим, с моей точки зрения, было поведение другого моего многолетнего товарища Н. К. Лебедева, связанного помимо всего, в качестве секретаря Бюро, со мной и постоянными отношениями совместной работы. Я считал бы его моральным долгом поставить меня предварительно в известность о характере полученного письма, чтобы мы могли вместе предпринять какие-нибудь шаги для устранения создавшихся осложнений. Оглашение такого письма непосредственно в заседании значило обнаружить по моему адресу максимум недоброжелательства.

Когда же оглашенное письмо не только не вызвало негодования по адресу его автора, но наоборот, сочувственные реплики со стороны С. Г. Кропоткиной, Н. А. Критской («следовало бы пересмотреть», «следовало бы аннулировать»), не говоря о мистиках, подготовивших эффектный выпад, я понял, что долее — ни членом Бюро, ни членом Комитета, ни Председателем Собрания — я оставаться не могу, о чем и сделал заявление. Сменивший меня на председательском месте М. П. Шебалин был, разумеется, уже бессилен помешать превращению заседания в сплошной поток непровереных слухов и сплетен.

Таков краткий очерк событий и переживаний, побудивших меня выйти из состава Комитета.

Прошу заявление это огласить на Общем Собрании Комитета

25 марта 1928 г. *(А. Боровой).*

Мы заявили о своем уходе из состава членов Комитета, совершенно разделяя взгляды т. А. А. Борового, изложенные в этом заявлении.

На подлинном подписи: *Н. Отверженного, П. Озерова, Р. Чимбаревой, А. Чимбарева, Г. Капусто-Озеровой, К. Н. Медынцева.*

«Не входя в рассмотрение вопроса в целом по существу и считая совершенно недопустимым создание такой ситуации, которой вынуждается выход А. А. Борового из Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, прошу меня членом таковового в данном составе в дальнейшем не считать» (Пиро).

∴

ПРОТЕСТ

Судя по заявлению группы товарищей анархистов в Москве, мистики во главе с Солоновичем свили себе «прочное» гнездо в музее имени П. А. Кропоткина. Заявление это, помещенное в «Дело Труда» № 39-40, сообщает дальше, что эта группа последователей Кропоткина вынуждена была уйти из состава анархического коллектива, контролировавшего музей, благодаря интригам мистиков, и теперь музей оказался цитаделью последних.

Мы, группа анархо-коммунистов г. Нью-Иорка, как и товарищи в Москве, считаем, что обойти молча-

вием засилье мистиков в музее анархисты, где бы они ни находились, не должны, ибо, в противном случае, засорение мистиками учения Кропоткина произойдет неизбежно. Анархизм окажется окутанным туманом мистицизма и таким образом станет непонятным и чуждым для трудящихся и безопасным для господствующих классов.

Опасность на лицо! И анархисты должны пресечь ее в корне. Музей Кропоткина должен быть очищен от мистиков.

Группа анархо-коммунистов гор. Нью-Йорка.

1 декабря 1928 г.

НА ЧТО СПОСОБНЫ ТРУДЯЩИЕСЯ В РЕВОЛЮЦИИ

(Продолжение).

Послушаем г-на Е. Н. дальше: «Многие революционные анархисты сваливают очень часто всю ответственность за эти ужасы только на партию большевиков, но этот взгляд является очень односторонним. Виноваты, разумеется, больше всего большевики, но виноват также в этом и весь русский народ. Если бы он не захотел допустить этих ужасов, их в этом случае и не было бы в русской революции».

Откуда гос. Е. Н. взял, что революционные анархисты всю ответственность за ужасы, имевшие место в русской революции, сваливают только на партию большевиков? Ведь анархисты никогда не смотрели и не смотрят на такие явления с точки зрения следствия, а всегда ищут причины, порождающие подобные следствия. Если бы революционные анархисты обвиняли только большевиков в тероре и др. разрушительных явлениях русской революции, то в таком случае мы должны были бы признать невиновными во всем этом дом Романовых и всю монархическую партию, все русское дворянство и буржуазную интеллигенцию и об'единится с ними на подобие культуртрегеров из «Рассвета» и «Пробуждения» для совместной борьбы против большевизма. Но мы, анархисты, считаем главной, основной причиной разрушительного процесса нашей революции русское дворянство и помещиков, чья деспотическая, угнетательская политика против крестьян и рабочих подготовила революционный пожар.

Мы затем считаем виновниками этого разрушения русскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию, чье лицемерие и обман рабочих и крестьян во время революции, а также поддержка вооруженных банд Каледина, Колчака, Семенова, Деникина, Врангеля и других, только усилили разрушительную стихию в русской революции. Большевиков же мы, революционные анархисты, обвиняем *всецело* за то, что они, тероризируя, якобы, дворян-монархистов и всю русскую буржуазию — поставили себя в положение тех же дворян монархистов и буржуазии. Мы их обвиняем за восстановление капитализма в рев. России, наемного труда, государственного насилия над бедным населением, интересы которого они, якобы, призваны защищать; за их великий обман над русскими рабочими и крестьянами, за их насилия над всеми левыми революционными течениями; за казни революционеров, ссылки, тюрьмы, за уничтожение свободного слова и печати рабочих и крестьян, за бесконтрольное и безответственное расходование средств рабочих и крестьян на международную политику, в которой трудящиеся никакого участия не принимают, и т. д.

Вот в чем суть. Вместо того, чтобы разобраться в ней, праздный болтунишка, — г-н Е. Н. валит в одну кучу и большевиков, и анархистов, и весь русский народ. Такая свалка не новость. Но мы, революционеры, привыкли слышать ее из определенного лагеря — из монархического.

Гос. Е. Н. продолжает дальше: «Вот на этом то основании многие русские анархисты и стали сейчас на путь культуртрегерства. Это не значит, разумеется, что они отвергают какую бы то ни было революционность. Они не являются сторонниками толстовского непротивленческого принципа, но во главу угла своей работы кладут не инсургентский принцип революционности, а революционность духовную. Эти анархисты не являются, следовательно толстовцами и непротивленцами, как называют их некоторые «революционные» анархисты. Эти анархисты отказываются только от неосмысленного бунта, отказываются от бунта во имя бунта, отказываются от кровавых фарсов, от недопустимой игры человеческой жизнью, которая так сильно развивается во время революции. Вот почему некоторые анархисты инсургенты и называют таких анархистов просто либералами».

Учение анархо - культуртрегеров о духовной революционности не дает нам ничего нового и утешительного. Оно проповедывалось и проповедуется буддизмом, конфуцианством, проповедывалось оно и некоторыми греческими философами, христианством, проповедуется оно и в настоящее время духовенством, мистиками и некоторыми популяризаторами науки и общественными деятелями. Результаты же этого учения в смысле улучшения взаимоотношений между людьми, крайне ничтожные. Об'ясняется это тем, что ее представители и носители наряду с проповедью духовного совершенства человечества никогда не занимались вопросами социальной несправедливости в людской жизни, которые нет - делимы от духовных. В анархо - коммунизме, как в революционном, социальном и классовом движении трудящихся, такое половинчатое учение может иметь место лишь в качестве культурного добавления к революционной боевой части анархизма. Само же по себе, без устремления к разрушению и пересозданию современного рабского общества, это учение на руку капиталу и власть имущим и несомненно вредно анархизму и трудящимся, ибо угасает в них дух возмущения и борьбы со злом во имя добра и правды. Поэтому революционные анархисты будут бороться с таким духом в анархизме. Что же касается того, что гос. Е. Н. жалуется читателю журнала «Пробуждение», что революционные анархисты якобы упрекают рассвето - пробужденцев в толстовском учении и в его непротивленческом принципе, то это ничто иное, как наглая выдумка самого гос. Е. Н. Упрекать руководителей «Рассвет» и «Пробуждение» в толстовстве, это значит оскорблять и позорить толстовское учение. Разве Толстой вбивал в ум русского народа национальный

фанатизм и ненависть к народам других националь-ностей? Нет. Вы же, рассвето - пробужденские культур-трегеры этому учите русскую колонию С. Ш. и К... Разве Толстой восхвалял или рекламировал представителей власти и эксплоатации? Или быть может его симпатии были направлены к людям обогащающимся эксплоата-цией и шарлатанством? Разве он ненавидел борцов за справедливост? Нет. Вы же так именно поступаете. Вот уже несколько лет, как вы клеймите и грязните тех ра-бочих анархистов, которые стараются вести организо-ванную работу в русской колонии Америки и Канады в соответствии учениям Бакунина, Кропоткина, Реклю, Малатесты, и в то же время поздравляете с «рождеством христовым» всех шарлатанов и эксплоататоров, печатая шарлатанские об'явления на страницах вашего мещан-ского листка «Рассвет»!... Разве Толстой учил поступать так воровски - подло, как вы поступали, например, с наборными машинами принадлежавшими Федерации Ан. Ком. групп С. Ам. и Канады?

Или, быть может, Толстой учит извращать, оскор-блять людей за то, что они не разделяют твоих взглядов по жизненным вопросам? Нет. Вы же, рассвето - пробуж-денцы, когда вам говорят, что национализм, антисеми-тизм и анти классовая борьба, проповедываемые вами в русской трудовой колонии С. Ш. и Канады, являются ударом бича по угнетенным классам и большой услу - гой для угнетателей — вы вместо того, чтобы дать дока-зательства, во имя чего все это вами проповедуется, — награждаете таких людей эпитетами чекиста и сума-шедшего. (См. статью гос. Сука под названием «Из му-хи делают слона» «Рассвет» от 14 февраля 1928г.) Так что, гос. Е. Н. ваши, «рассвето - пробужденцев», дей-ствия в продолжении трех с половиной лет скорее похо-жи на большевистские, черносотенные и поповские, но они отвратительны толстовскому учению и анархическому вообще.

Ссредоенков.

(Окончание следует).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОРЯКА

ВКП утверждает, что анархизм ей не страшен, но в то же время развивает бешенную и ложную провокацион-ную агитацию, обвиняя его в контр-революционности, в мелко-буржуазности и в антисемитизме. Советская власть не спроста подымает такой вой против анархизма и анар-хистов, она их боится. Когда идет пропаганда в книгах и фильмах против Махно, рабочие удивляются. Ведь он не был контр-революционером, а известен, как революцио-нер и пользуется большим сочувствием среди рабочих, а особенно среди военных моряков. Русский анархизм быть может сыграл бы большую роль в революции, если бы был организован. Его неорганизованность была причиной его поражения и стоила много крови рабочим. Так, напр., в 1921 году восставшим анархистам в Кронштадте следо-вало бы иметь сношение с Черноморским флотом, база ко-торого была в Мариуполе и носившего название «Красная Азовская флотилия». Эта флотилия состояла из 30 вымпе-лов и обладала сильной легкой и тяжелой артиллерией от полутора до восьми дюймов в большом количестве, а так-же 4-5 гидроаэропланами. Кадр ее состоял из 3000 воен-ных моряков. Пробыл я в ней весь 1920 год до июля 1921 года, т. е. до перехода в Севастополь. За это время анар-хисты не вели никакой пропаганды. Во время заключе-ния договора между Махно и Советской властью, настрое-ние матросов было боевым, враждебным комиссарам и Чека. Имя Махно пользовалось популярностью. Если бы имелась организационная связь с Кронштадтом, команды на судах сорганизовались бы дружно. Чека не имела среди нас никакой силы, аресты делать не удавалось, да чекисты не осмеливались носа показать на корабль. То, что делалось на кораблях, дальше не разносилось, так что Чеке невозможно было узнать ничего через своих аген-тов. Кронштадское восстание было для нас полной неожи-данностью. Телеграмма была перехвачена из Петропав-ловска, не непонятна. Что делать никто не знал. Совет-ская власть Украины встрепенулась. Боясь, как бы флот в Мариуполе не восстал, стали подвигать к городу войска, город наполнился курсантами и особыми отрядами Чека. Если бы восстание было организовано одновременно с Кронштадтом, большевикам пришлось бы очень плохо. Хо-тя гарнизон был увеличен, но моряки сумели бы покон-чить с армией (или «кашей армейской», как мы их на-зываем) в два счета, если бы дело дошло до столкновения. Какая бы армия ни была, она не выдержала бы судового артиллерийского огня. На чеку уже давно метили. Ее здание, находившееся около городского парка, решили взорвать в воздух. С армией воевать, долго бы не при-шлось, ее легко было перетянуть на нашу сторону. Успех был бы крупный. Но не только не было связи с Крон-штадтом, о Махно даже не было слышно — и мы остались у разбитого корыта. Правда, до восстания, еще в конце 1920 года, после того, как суда пришли из Таганрога, до-неслись слухи, что махновцы находятся в 18 верстах от Мариуполя в греческом городке Монгуши. Двум судам «Красной Звезды» (бывшая паровая землечерпальная баржа Егурча), обладавшей артиллерией 3-х 130 мил. и 5 дюйм. и 5 мил. и «Червоному Казаку» с артиллерией 2-6-ти дюймовых приказано было начать обстрел Монгушей. Но приказ был так хорошо выполнен, что на «Красной Звезде» при выстреле орудие взорвалось и было убито и ранено 26 человек. Огонь пришлось прекратить, а обоз-ленные матросы говорили, что надо огонь направить не на Махно, а на чеку. Вскоре после несостоявшегося вы-ступления собрали моряков со всех судов, оставив лишь четверть команды, и собрали отряд для борьбы с Махно. Отряд, идя с оркестром, поровнявшись с Чекой, заиграл, а ребята матросы лихо подхватили «Яблочко». Среди че-кистов это вызвало необычайный переполох. Матросов они боялись арестовывать, когда наши держались вместе, но когда им в лапы попадал одиночка-матрос, он из Чека уже не выходил: его подводили под статью махновцев. Литературы мы не получали ни в Мариуполе, ни в окре-стностях. С борьбой с Махно ничего не вышло, и нас по-слали по продовольственным отрядам.

Так из за отсутствия организованности лучшие ре-волюционные возможности были упущены.

Моряк — н.

РАСВЕТОВЩИНА ПЕРЕД СУДОМ АНАРХИСТОВ И РАБОЧИХ

В ряде изобличительных статей отдельные анархисты и целые анархические организации вскрыли жуткую картину политической грязи, идейного и социального предательства, которыми занимается руководящая «Рассветом» группа. На основании произведенных разоблачений этой группе были брошены тягчайшие обвинения. Ее обвинили: а) в воровстве наборных машин, принадлежавших существующей ныне Федерации Ан. Ком. Групп Соед. Штатов и Канады (см. резолюцию федеративной конференции от 30 окт. 1927 г. и статью т. Данилюка в № 36 «Дела Труда»); б) в связях с монархическими, бело-эмигрантскими группировками Сев. Америки; в) в служении черносотенным идеям религии, патриотизма и антисемитизма; г) в сознательной или бессознательной работе на полицию, на Клу-Клукс-Клан; и т. д. (см. об этом брошюру т. Володькина «Что такое «Рассветовщина», — статьи т. т. Худолея, Томашевского, Ф. С. и др. в № 39-40, 41-42 и 43 «Д. Т.»).

При наличии таких обвинений всякое лицо, всякая группа, как бы низко они не опустились, должны дать необходимые об'яснения. Мы ждали этих об'яснений от г. г. «рассветовцев»*). И вот рассветовцы выступили. Но не с об'яснениями, не с аргументами против пред'явленных к ним обвинений, а с грязной клеветой, которая в положении этих людей является, очевидно, единственным средством их защиты. О статье некоего *А. В.*, напечатанной в № 281 «Рассвета», мы не станем говорить: уж слишком она жалкенькая; в ней автор даже клеветы смастерить не сумел, хотя всеми силами тащился к этому. Его попытка выставить нас недоброжелателями т-ща Малатесты — курам на смех. Но о статье Глушака («Рассвет № 283) скажем два слова. На поставленные в упор «Рассвету» многочисленные обвиниия в контреволюционности и обмане рабочих Глушак разразился не столько громовой, сколько клеветнической статьей против меня. Видите-ли, до последнего дня анархическое движение в Сев. и Южн. Америке нормально развивалось и процветало, но из России заграницу пробрался Аршинов и «сейчас же начал диктовать американскому движению, как надо вести работу. Он выработал даже план не только для движения в Соед. Штатах, но и для движения в Южной Америке».

План его «в общем заключался в том, чтобы закрыть издание журнала «Волны», а «Американские Известия» превратить из еженедельника в ежедневную газету. Для аргентинского движения Аршинов предлагал издавать еженедельник «Голос Труда». Но идея Аршинова оказалась неприемлемой для движения в Соед. Штатах и была отклонена. Тогда он об'явил беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть движению в С. Ш.» —

Так безобидно для себя об'ясняют рассветовцы нападки на Рассвет. Нападки эти, — не более, как злостная тяжба одного человека со всем анархическим движением С. Ш. О том, что движение это еще четыре-пять лет тому назад расслоилось; что разложившаяся часть этого движения пошла на предательство и начала подстригать анархизм под монархическую гребенку; что она завязала связи с монархическими организациями; что совершила ряд политически и криминально позорных поступков; что все это вызвало бурное негодование широкой анархической среды, которая разоблачила рассветовщину, как контр-революцию, как прикрытый фашизм, идущий под лозунгами национализма, религии, скрытого, а порою открытого, антисемитизма, и т. д. — обо всем этом ни слова. Всего этого, как бы не было и нет. Есть один ужасный человек, одинаково вредный и для рассветовщины и для всего анархического движения. И против этого человека должны бороться все анархисты.

Сделав такой трюк, рассветовец Глушак, под прикрытием Кропоткина, Грава, Малатесты смело атакует меня своими вонючими бомбами клеветы и лжи и впадает в бешенную ярость. Меня это ни в какой степени не может тревожить. Я, как и всякий другой анархист, считал бы позором для себя если бы удостоился той или иной похвалы со стороны рассветовца. Наоборот то, что рассветовцы с таким озлоблением и ненавистью набрасываются на меня, только подтверждает правильность взятого нами революционного курса. С другой стороны тот факт, что рассветовцы уклонились от об'яснения по поводу брошенных по их адресу обвинений и стараются путем клеветнических роскасней сосредоточить внимание рабочей среды на другом, подтверждает правильность всех этих обвинений. И никуда им от них не уйти. Можно день или два держаться на той лжи, что виноват во всем Аршинов. Но на третий день рабочие организации, поддерживающие Рассвет, узнают, что такие же обвинения пред'явили Рассвету Худолей, частью Хархардин (письмо которого к американским организациям печатается в этом №) и, наконец, все наши товарищи в России. В своем приветствии последней конференции Анархо-ком. групп Сев. Ам. и Канады Коллектив Русских Анархо-Коммунистов и Анархо-синдикалистов России так высказался по поводу рассветовщины: «... проделанная вами задолго до предстоящей конференции радикальная чистка анарх. рядов от «рассветовщины» вызвала глубокое удовлетворение в среде наших товарищей. Ибо «рассветовщина», выступающая под маской анархизма и у нас в России принявшая форму «мистического анархизма», является глубоко реакционным, пытающимся разложить наши ряды, движением. Мы уверены что конференция окончательно разоблачит и заклеймит это позорящее анархизм явление»...

Таков коллективный голос русского анархического движения.

Напрасно рассветовцы хватаются, как за якорь спасения, за средство клеветы и облыгания отдельных работников анархизма. Это не спасет их. У анархического движения хватит сил, чтобы разобраться в таком явлении, как рассветовщина, и разоблачить ее.

П. Аршинов.

*) Под рассветовцами мы разумеем, конечно, не читателей «Рассвета» и не рабочие организации, поддерживающие «Рассвет», а единственно заправил этой газеты, ведущих в ней определенную, хотя и замаскированную, контр-революционную линию.

P. S.

ПЯТНАДЦАТЬ ПУНКТОВ РАССВЕТОВСКОЙ КЛЕВЕТЫ

После того, как вышеприведенная статья была написана, из С. Америки прибыл номер «Рассвета» от 3 января 1929 г. со статьей, в которой рассветовцы прибегли к такой громоздкой клевете на меня, что им потребовалось целых 15 пунктов, чтобы эту клевету как-либо разместить. О характере и качестве этой клеветы можно судить уже потому, что редакция «Рассвета», которая вообще не гнушается никакой грязью, не решилась подписаться под этой статьей своим прямым именем. Она дала под ней фиктивную подпись «Читатель Рассвета» и поместила ее в отделе «Свободная Трибуна». Этим она определенно стремилась замести следы своего прямого участия в данной клевете. А ведь статья написана, если не всей редакцией «Рассвета», то членом редакции, одним из руководителей «рассветовщины», при полном утверждении ее всей рассветовской головкой. Это видно из построения статьи, авторы которой располагают архивом бывшей федерации «Волны (нечего сказать, хорош читатель!) и которые в своей статье проводят совсем не читательскую, а специфически рассветовскую линию.

Отвечать на 15 пунктов рассветовской клеветы я не стану. На грязные обвинения рассветовцев всякий революционный анархист может только посмеяться. Для нас это все равно, что в былое время получить обвинение от Союза русского народа, традиции которого рассветовцы так доблестно поддерживают на страницах своей газеты. Та ложь и грязь, которые заключены в этих пунктах, убивают и моральное и политическое основание для ответа. Для пояснения укажу товарищамъ один-два примера циничной лжи авторов. В пункте 6 они заявляют, что я «Малатесту, Грава, Волина, Горелика, Моравского и др. анархистов, выступавших против платформы, называю хулиганами, клеветниками и фашистами». Эту наглую ложь авторы прикрывают ссылками на статьи. Конечно, ничего подобного ни в каких статьях не было. Хулиганом вообще никого не называли, а в фашисты попал только Моравский. В данном случае авторы хотели бы последнего, как прямого ответчика за рассветовщину, поместить между Малатестой и Гравомъ и сказать: смотрите, всех их Аршинов одной мерой меряет; все у него хулиганы, клеветники и фашисты. Однако, грубое шулерство рассветовцев всем бьет в глаза: Малатеста и Грав, несмотря на тактические расхождения с нами, продолжают оставаться нашими идейными и политическими товарищами и борцами, Моравский же с прочей рассветовской компанией стоит в лагере контр-революции.

В пункте 7-м авторы вопрошают, почему я «назвал Солоновича и других старых анархистов провокаторами?» Между тем они прекрасно знают, что в своем предисловии к брошюре т. Володькина, говоря о Солоновиче, я взял фразу из заявления 18 московских анархистов, напечатанного в № 39-40 «Дела Труда». Поэтому то я эту фразу и выделил ковычками. Такая же циничная ложь во всех прочих пунктах*). Анархистом-коммунистом я был и остаюсь с 1905 года. Идею синтеза ни в каких статьях не развивал, хотя и работал совместно со сторонниками этой идеи в организациях и в периодических изданиях. Авторам на все это наплевать. Они нахально и неотесанно лгут, путаясь в вопросах анархизма, как обычно путаются все невежественные контр-революционеры. Этим они еще более обнажают свое монархическое нутро: при всем своем желании монархист никак не может попасть в тон анархической идеологии. Лгут они, ссылаясь на журналы, на статьи, на письма. Все источники, на которые они ссылаются, говорят совершенно другое. В этом убедится всякий, кто пожелает ознакомиться съ этими источниками. Но без лжи эти люди уже не могут обойтись. Зажатые в железные тиски, они мечутся из стороны в сторону, ища спасения. Но погрязшие во лжи и предательстве, они ни на что более не способны, как на ложь и клевету, и на них строят все планы своего спасения. Напрасно. Преданная ими и втоптанная в грязь идея анархизма, идея освобождения трудящихся требует возмездия и до тех пор не успокоится, пока рассветовщина не будет обезглавлена.

П. А.

---

*) Что касается Горелика, то он был проучен (слегка встряхнут) за клевету исподтишка. Знающие Горелика этому нисколько не удивились. За всякие грязные истории Горелик был бит анархистами многократно: в Екатеринославе, Киеве, в том же Берлине за неделю до инцидента со мной. И, вообще, — где и за что только его не били.

***

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОГРЕССИВНОГО КЛУБА

(Письмо в редакцию).

Уважаемые товарищи!

Прогрессивный Клуб города Чикаго обращается к вам с просьбой поместить в одном из ближайших номеров «Дело Труда» нижеследующее заявление:

В 283-м номере газ. «Рассвет» помещена статья: «Необходимый ответ» за подписью Глушака.

В этой статье Глушак говорит, что он прочел «пасквильную, убогую и жалкую по содержанию» брошюру: «Что такое рассветовщина» — С. Володькина.

«Пасквильная, убогая и жалкая по содержанию» эта брошюра, конечно, не потому, что она в действительности такова, а потому, что в ней отражена настоящая физиономия рассветовских фашистов. А раз это так, то не может же быть, чтобы такая брошюра не являлась «пасквильной, убогой и жалкой по содержанию».

Рассветовским Глушакам «приходится удивляться», что на основании изложенных фактов в этой брошюре, им выносят «смертный приговор» лица, пробывшие 25 лет в анархическом движении.

Видите ли — эти рассветовские заплечных дел мастера выполняют чисто предательскую роль по отношению рабочих организаций и отдельных товарищей анар-

хического направления, и хотят еще, чтобы анархисты, пробывшие 25 лет в анархическом движении, воздавали им хвалу за это.

Несмотря на свою явно фашистскую работу, у этих лицемеров хватает, однако, нахальства прикрываться именами видных теоретиков анархизма, как Жан Грав, Энрико Малатеста и др. Такое прикрывание — этих поклонников Иванов Грозных и Борисов Годуновых — свидетельствует о том, что они все еще желают слыть анархистами и вместе с этим порежнему разыгрывать роль фашистов.

После прочтения брошюры: «Что такое рассветовщина» и предисловия в ней, у них появилась «нужность (раньше этой нужности не было — *Замеч. Клуба*) указать Аршинову на фабрикацию отчетов, помещенных в «Амер. Изв.» Указать же на свою при том действительную фабрикацию, отчетов, какая имела место в номере от 19 марта 1928 г. газ. «Рассвет» с целью дискредитировать С. Володькина и прикарманить таким образом его 111 дол., эти «фабриканты» самым благоразумным образом пропускают мимо своих глаз и памяти даже при чтении «пасквильной» брошюры того же Володькина.

В этом, между прочим, ничего удивительного нет. Воры, ведь, тоже в трудные им минуты, чтобы отвлечь сосредоточенное на них внимание публики, указывают на другого человека, находящегося вдали от них, и орут: «*Лови его! Держи его!*»

Обязанностью Глушаков является выплатить многим товарищам Ан-Комм. Групп и Прогрессивному Клубу не малую сумму денег, внесенных на приобретение имущества «Амер. Изв.», которое Глушаками тайно продано в Нью-Иорке. Обязанностью Глушаков также является выплатить Прогр. Клубу 1000 долл., внесенных Клубом на покупку имущества газ. «Рассвет» в Чикаго.

Так вот, если бы эти лицемерные Глушаки добросовестным образом расплатились с несуществующими для них «бездарными» организациями и отедльными товарищами, то их «творческие начала» после этого можно было бы заметить лишь при помощи микроскопа. Зато их творческие начала «велики» и очевидны в смысле расхищения имущества рабочих организаций. Продав имущество «Амер. Изв.» в Нью-Иорке, эта «творческая» публика поговаривает о продаже имущества и в Чикаго. И опять таки делается все это тайно.

Цель Глушаков таким образом, будто Прогрессивного Клуба «фактически нет», и будто федерация Ан.-Ком. Гр. ликвидирована — *чисто воровская*. «Федерация ликвидирована». Прогр. Клуба «фактически нет», то кому же, в таком случае, деньги мы обязаны выплачивать — и дело у них на этом кончается.

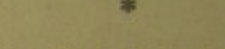
Так поступать могут только политические жулики. Вот это то обстоятельство и заставляет расветовских «реорганизаторов» и «ликвидаторов» скрываться под разными вымышленными именами, так изобильно пестрящими на страницах газ. «Рассвет».

Прогр. Клуб гор. Чикаго сим заявляет, что никаких Глушаков, имеющих какое-либо отношение к «Амер. Известиям», к федерации А.-К. Групп, к газ. «Рассвет» и к Прогрессивному Клубу — Клуб не знает.

Казалось бы, что там, где речь идет «о фабрикации отчетов», о «ликвидации» той или иной организации и что хуже всего — целой федерации — там не должно бы быть места псевдониму. Но рассветовские фашисты — Рубежанин, Моравский, Карпик и их холоп из детройтской группы «Пробуждение» — Новин — понимают этот вопрос иначе. Для них, в целях борьбы с Ан-Комм. Группами, обирания рабочих организаций и отдельных товарищей, все средства хороши.

Их скрывание под разными псевдонимами показывает, что они могут быть не только лицемерами, фашистами, предателями рабочего класса, а и заугольными злодеями.

Прогрессивный Клуб гор. Чикаго.
(Печать Прогрессивного Клуба).

ОТВЕТ ГЛУШАКУ

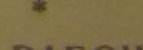
В номере «Рассвета» от 28 ноября помещена статья Глушака, в которой он отвечает не на брошюру Володькина, а нелогично и по-дѣтски набрасывается на тов. Аршинова и федерацию Соед. Штатов. И для большего обмана публики он приводит ложные доказательства, что мол, брошюра до того пуста, что даже Детройтская группа отказалась ее распространять.

Мы, Детройтская группа, уверены, что как тов. Аршинов, так и Федерация групп С. Ш. и К. дадут должный ответ на нападки Глушака.

Мы с своей стороны, заявляем, что Детройтская группа вполне согласна с содержанием брошюры. И мы не только не отказались ее распространять, но уже распространили. Итакъ, ссылка на нас есть наглая ложь Глушака.

Детройтские товарищи, которые присутствовали на этой конференции, подтверждают, что все, что написано в брошюре, справедливо. Значит, тов. Володькин прав, и он ясно изложил, что произошло на рассветовской конференции. И лишь люди без зазрения совести, подобные Глушаку, способны выйти с ответом, вернее — с клеветой, но не против брошюры, а против тех товарищей, которые открыто и прямо указывают товарищам, что происходит за кулисами «Рассвета». Но напрасны его ложь и клевета. Цель достигнута; все более и более организации и отдельные товарищи начинают просыпаться и отходить от «Рассвета». Надеемся, что с «Рассвета» будет сорвана маска окончательно. И все сознательные товарищи отшатнутся окончательно от религиозно - националистического листка, который вводил их в заблуждение несколько лет подряд.

С братским приветом — *Детройтская Группа «Самообразование».*

ГОЛОС РАБОЧЕГО

Несмотря на то, что я малограмотный, не могу молчать и прошу «Дело Труда» напечатать посылаемое письмо.

Некто Глушак взял на себя задачу опровергнуть брошюру т-ща Володькина — «Что такое рассветовщина».но почему-то сей господин обрушился на т. Аршинова. Ведь надо опровергать факты, а Аршинов здесь не при чем. Если Аршинов написал предисловие к брошюре Володькина, то сначала надо опровергнуть брошюру, а потом предисловие. Госп. Глушак так страшно обрушился на Аршинова за то, что т. Аршинов назвал «рассветовцев» их настоящим именем — монархистами и фашистами. Да, господа народоглушители, вы таковые и есть. Вы в своей статье это сами подтверждаете, но правда колет вам глаза. Но и я, как рабочий и крестьянский сын, скажу, что вы фашисты, узурпаторы и контр-революционеры. Ибо, не будь вы таковыми, вы в вашей газете не помещали бы контр-революционных статей и заметок. Под маской рабочего вы оглушаете мозги рабочих, отравляете их совесть разными шарлатанскими об'явлениями. Разве честная рабочая газета допустит такие мерзости, как печатание шарлатански-монархических об'явлений? Ни одна рабочая газета этого не допустит, но для вас, глушако - рассветовцы, безразлично, лишь бы оглушить мозги рабочих да пополнить свой карман.

Товарищи рабочие! Бросьте эту контр-революционную банду глушако - рассветовцев, бойкотируйте ее, не давайте ей свои, тяжело заработанные центы на ее содержание и на содержание газеты, ведущей за вашей спиной подлое дело предательства рабочего класса. Гоните эту банду узурпаторов вон из своих организаций. Эти люди похитили наборные машины, купленные на кровные рабочие центы. И сделали они это для того, чтобы революционные рабочие, искренно борющиеся за освобождение порабощенного труда, не имели своей рабочей печати. Эта банда хорошо учла, что если у рабочих будут печатные машины, то будет и газета. А раз будет газета, то будут раскрыты все проделки контр-революционной глушако - рассветовской банды против рабочих.

Еще раз взываю к вам, товарищи рабочие, — откройте ваши глаза, откройте ваш рот и заговорите так громко, чтобы все глушако-рассветовцы заглохли наконец. Эти люди поступают с рабочими и их совестью как раз так, как некоторый крестьянин с лошадью: пока он ее не уловил, то называет — кос , кос; а как толко в воз, так дугой по голове, потому что уже взял в руки. Гоните их вон, ибо это сознательные, намеренные враги рабочих.

Монреаль (Канада).

Мартынов.

***

К АНАРХИСТАМ И АНАРХИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ С.А.С.Ш.

Дорогие товарищи!

В последнее время, в связи с расколом русских анархистов в САСШ на две группы ко мне обратился ряд американских анархистов с просьбой отказаться от сотрудничества в «Рассвете» и «Пробуждении». Настоящим заявляю, что я не сотрудничаю в этих органах фактически почти два года, а оффициально отказался от участия в них более года тому назад. Еще 26-го октября 1927 года мною было послано Е. З. Д. — одному из фактических руководителей этих органов, письмо следующего содержания:

«Дорогой Евгений Захарович!

Будучи загружен служебной и научной работой, я за последний год ничего не мог написать для американских изданий, но... с марта - апреля 1928 года рассчитывал возобновить присылку статей для «Рассвета» и «Пробуждения». В последнее время, однако, до меня дошли сведения, что этими органами занята своеобразная позиция в национальной проблеме и в критике большевизма, причем анархистам СССР приписывается совершение таких актов, к которым они ни с какой стороны не причастны, а если бы и оказались причастны, то я не мог бы одобрить подобные акты. Принимая во внимание резкое расхождение моих взглядов на национальный вопрос, материалистическое понимание истории, пределы и целевую установку критики большевизма, и на тактические проблемы анархизма в СССР со взглядами, развиваемыми в «Рассвете» и «Пробуждении», и не имея возможности воздействовать отсюда на изменение направления этих изданий в означенных вопросах, я принужден заявить, что до придания редакцией более приемлемого направления этим органам, я не считаю возможным возобновить сотрудничество в «Рассвете» и «Пробуждении», о чем прошу довести до сведения всех лиц и организаций, определяющих идеологическую установку названных изданий.

С товарищеским приветом. *П. Хархардин*».

Обращение ко мне американских товарищей с просьбой прекратить сотрудничество в указанных изданиях, показывает, что приведенное выше письмо не дошло до сведений широкого круга товарищей. Сообщая текст этого письма, я одновременно заявляю, что впредь переношу свое сотрудничество на страницы журнала «Дело Труда». Считаю, однако, необходимым оговорить, что, не разделяя некоторых положений, пропагандируемых последним органом, я не отвечаю за политическую линию журнала в целом и несу ответственность только за мои собственные статьи.

С товарищеским приветом

П. Хархардин.

ОТЧЕТ
ГРУППЫ РУССКИХ АНАРХИСТОВ ЗА-ГРАНИЦЕЙ
ОТ 6 ДЕКАБРЯ 1928 Г. ПО 6 ФЕВРАЛЯ 1929 Г.

Остатокъ на 6 декабря 1928 г. — 10 шил., 30 дол. 212 фр. 95 с. От Чикагской группы через тов. Волкова (12 д.) — 300 франков. 6/12 от тов. Лазарева из Рочестра (5 д.) — 125 франков. 7/12 от товарища Квятковского — 1 дол. 12/12 из Болтиморы от Федеративного Секретаря (34 д.) 850 фр. 13/12 из Киоска за «Д. Тр.» — 99 фр. 05 с. 12/12 от т. Новика из Неварка (5 д. 50) — 137 фр. 50 с. 20/12 от т. Поллак из Нью-Иорка — 2 доллара; от С. из Лондона — 1 анг. ф., т. Гинева — 294 фр., от Чикагской Группы через т. Волкова (10

дол) —250 фр. Из Харбина от т. Зор — 98 фр. От т. Лычека за книгу — 10 дол. От т. Хаджиева — 55 фр. От т. Я. В. старый долг — 28 фр. От группы Юнгстона через т. Бердина (3 1/2 дол.) 87 фр. 50 с.

Всего 1 анг. ф. 10 шил., 43 дол., 2537 фр.

РАСХОД

Экспедиция № 43 «Дело Труда» — 226 фр. 50 с. Уплочено в типографию остаток за № 41-42 «Дело Труда» — 470 фр. Уплочено в типографию за № 43 «Дело Труда» — 1472 фр. Уплочено в типографию за мелкие работы — 45 фр. Трехмесячная подписка на советскую газету — 117 фр. Корреспонденция — 80 фр. Новогодние почтальонам — 38 фр. Дорожные и организационные расходы — 68 фр. 80 с. Всего — 2517. фр. 30 с.

Приход: 1 англ. ф. 10 шил. 43 д. 2537 фр.
Расход: — — — 2517 фр. 30с.

Остаток на 6 дек. 1929 г.:
1. анг. ф. 10 ш. 43 д. 19 фр. 70 с.

**

ОТЧЕТ в средствах, поступающих для помощи заключенным в России анархистам от 6 ноября 1928 г. по 12 февр. 1929 г.,

Приход: остаток на 6/11 - 28 — 9 зл. 64, 25 дол., 331 фр. 60 с.; Получено 3/12 - 28 от Об-ва Помощи заключенным анархистам из Сан Луи 85 дол.

Всего прихода: 9 зл. 149 д. 25 с. 331 фр. 60 с.

Расход: Отослано в Россию в помощь заключенным и ссыльным товарищам 114 долл. и пересылка денег 55 ф. 85 с.

ОСТАТОК на 12 февр. 1929 г. — 35 д. 275 фр. 75 с. 9 зл.

Подписной лист № 40. Собрано тов. Лычеком:

Д. Лычек — 10 дол.; Е. Козлов — 10 дол.; И. Старцев — 3 дол.; Ф. Дубатовка — 2 дол.; М. Дендук — 1 дол. 50 ц.; А. Баньковский — 1 дол. 25 ц.; Д. Трофимук — 1 дол.; Н. Смолов — 1 дол.; Д. Зволев — 1 дол.; Д. А. Мельник — 1 дол.; М. Полущев — 1 дол.; И. Бурдыка — 1 дол.; П. Громик — 1 дол.; М. Быков — 1 дол.; С. Гуцев — 50 ц.; М. Моски — 50 ц.

Итого — 36 дол. 75 ц.

МЭДИСОН. ИЛЛИНОЙС

Подписной лист № 44:

А. Галаш — 1 дол. 50 ц.; М. Хведченя — 1 дол.; А. Чепурка — 1 дол.; П. Михайлов — 1 дол.; Н .Антонович — 1 дол.; М. Радивончик — 1 дол.; Д. Васильев — 1 дол.; М. Ковалевич — 1 дол.; С. Тюшкевич — 50 ц.; Н. Климович — 50 ц.; Т. Мацкевич — 50 ц.; И. Кулик — 50 ц.; А. Ковалевич — 50 ц.; Е. Никонович — 50 ц.; С. Якушевич — 50 ц.

Итого — 13 дол.;

СЭНТ ЛУИС. МО.

Подписной лист № 45:

В. Шургай — 2 дол.; Д. Масловский — 1 дол.; Е. Горох — 1 дол.; Д. Сергиевич — 1 дол.; П. Владимиров — 1 дол.; А. Сукало — 50 ц.; К. Верчавец — 50 ц.; Н. Сукало — 25 ц.

Итого — 7 дол. 25 ц.

ОТЧЕТ

Союза Российских Тружников г. Монреаля в средствах, собранных на поездку т-ща Чернякова из Европы в Америку:

Приход:

От Союза Российских Тружеников гор. Монреаля, Канада — 50 дол.; из Доролд, Канада через тов. С. Назарчук — 65 дол.; из Балтиморы через тов. Н. Дулевич — 30 дол.; из Детройта, С. А. через тов. М. Гоголя — 10 дол.; из Балтиморы, С. А. через тов. А. Юсик — 150 дол. из Сан-Луи, С. А. через тов. М. Кавалевич — 20 дол.; из Филадельфии, С. А. через тов. А. Василевского — 20 дол.; из Юнгостана, С. А. через тов. А. Петрова — 47 дол.

Итого — 392 дол.

Расход:

Послано на переезд в Европу тов. К. Чернякому — 330 дол.; за пересылку этих денег по телеграфу — 13 дол. 97 ц.; послано в помощь семейству тов. Чернякова 20 дол., пересылка 1 дол. 3 ц. — всего 21 дол. 3 ц.

Итого — 365 дол.

Остаток — 27 до.л

Секретарь Д. Душин.

Союз Российских Тружеников гор. Монреаля просит все организации, давшие эти деньги, высказать свое мнение, куда и на какие цели отослать остаток в 27 дол.; свои мнения просим присылать на Секретариат Соза Российских Тружеников г. Монреаля.

Секретарь Д. Душин.

К СВЕДЕНИЮ Т-ЩЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Сдан в печать и в скором времени выйдет на русском языке 1-ый том записок Н. Махно — *«Русская революция на Украине»*. Обращаться по адресу «Дело Труда».

Статья: «Материалы по истории анархизма в России в годы царизма» (по данным Охранного Отделения) начнет печататься с 46 номера «Дело Труда».

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris